

Západočeská univerzita v Plzni

Fakulta filozofická

Bakalářská práce

Překlad autobiografie V. M. Suchodreva

Jazyk moj - drug moj: Ot Chruščeva do Gorbačeva

Martin Bartošek

Západočeská univerzita v Plzni

Fakulta filozofická

Katedra germanistiky a slavistiky

Studijní program Filologie

Studijní obor Cizí jazyky pro komerční praxi

Kombinace angličtina-ruština

Bakalářská práce

Překlad autobiografie V. M. Suchodreva

Jazyk moj - drug moj: Ot Chruščova do Gorbačeva

Bartošek Martin

Vedoucí práce:

Mgr. Bohuslava Němcová, Ph.D.

Katedra germanistiky a slavistiky

Fakulta filozofická Západočeské univerzity v Plzni

Plzeň 2021

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracoval samostatně a uvedl v ní všechny použité prameny a literaturu.

V Plzni dne

Obsah

1. Úvod	4
2. Teorie překladu	6
2.1 Kdo je překladatel	7
2.2 Překladatelské postupy	8
3. Předpřekladová analýza výchozího textu	10
3.1 Lexikální prostředky	10
3.2 Morfologické prostředky výchozího textu	12
3. Syntaktická struktura textu	21
4. Překlad	23
4.1 Nikita Chruščov – od záře reflektorů k zapomenutí	23
4.2 Takto MY stavět nebudeme	25
4.3 Setkání s Kennedym	26
4.4 Rozloučení s Kennedym	28
4.5 Přerušená píseň	34
4.6 Veselé eskapády Pierra Trudeau	37
4.7 Mužský rozhovor	41
4.8 Konec jeho cesty	43
4.9 Stůl na trávníku	44
5. Komentář k překladu	46
6. Závěr	50
7. Seznam literatury a internetových zdrojů	52
7.1 Tištěné zdroje	52
7.2 Internetové zdroje	52
8. Anotace	53
9.1 Rusko – český slovník	54
9.2 Výchozí text	56

1. Úvod

Cílem bakalářské práce je překlad vybraných částí knihy V. M. Suchodreva *Язык мой - друг мой. От Хрущева до Горбачева*. Z ruštiny do češtiny. Nedílnou součástí bakalářské práce je vypracování analýzy výchozího ruského textu a komentáře k překladu a sestavení slovníku, který zahrnuje méně známá a málo frekventovaná slova.

Motivací autora bakalářské práce pro překlad knihy V. M. Suchodreva *Язык мой - друг мой. От Хрущева до Горбачева* bylo to, že kniha je spojena s oběma studovanými jazyky, s ruštinou i angličtinou, a také zájem pokračovat ve studiu ruského jazyka nadále i po ukončení bakalářského studia.

Autor knihy popisuje období studené války a různá diplomatická setkání předsedů Prezídia Nejvyššího sovětu SSSR a prezidentů USA, kterých se osobně zúčastnil a kde působil jako tlumočnick nejvyšších politických představitelů SSSR. Vzhledem k možnému rozporuplnému přijetí obsahu knihy nebyla zatím tato kniha přeložena do češtiny. Autor byl jediným svědkem mnoha klíčových událostí.

Také je pro čtenáře zajímavé vidět tyto události z jiného úhlu pohledu a také z pohledu Sovětského Svazu. Kniha seznamuje čtenáře s něčím novým a unikáním a také se zabývá rozvojem tlumočení a překladu. V práci bude zpracováno a přeloženo z ruského jazyka do českého jazyka vybrané části kapitol. Důvodem výběru tématu práce hrál autorův zájem o historii a politiku tehdejší doby a také obohacení v této oblasti. Z pohledu autora bakalářské práce je důležité, nezapomínat historii, jelikož utváří nynější dobu a také je nezbytné poučit se z chyb a nasbíraných zkušeností a ocenit dobu ve které žijeme nyní.

Kniha *Язык мой - друг мой. От Хрущева до Горбачева* je biografií a memoáry autora. Kniha má již dvě přepracovaná vydání. První vydání knihy vyšlo v roce 1999, druhé vydání v roce 2008. Druhé vydání bylo rozšířeno o kapitoly, ve kterých je popisován pobyt a práce autora knihy V. M. Suchodreva v New Yorku. Kniha se skládá z 11 kapitol, které jsou pojmenovány podle státníků, seřazeny chronologicky, stejně jako v názvu knihy od Nikity Sergejeviče Chruščova po Michaila Sergejeviče Gorbačova, poté následují kapitoly: okrajové poznámky, neoficiální schůzky, nevyřčené.

Viktor Michajlovič Suchodrev (1932 – 2014) se narodil 12. prosince 1932 v Kaunas v Litvě. Část svého dětství prožil v Anglii, což mělo vliv na jeho jazykovou vybavenost a výběr pozdější profese. Po návratu do SSSR studoval na univerzitě cizích jazyků, kde se věnoval studiu francouzského a anglického jazyka.

V. M. Suchodreva je možné považovat za nejznámějšího překladatele a tlumočnicka v době SSSR. Jako tlumočnick se účastnil setkání vrcholných představitelů SSSR N. Chruščova, L. Brežněva, A. Gromyko, A. Mikojana, A. Kosyngina, M. Gorbačova v době jejich setkání s jejich americkými protějšky R. Nixonem, J. Kennedym, J. Carterem a byl přítomen také setkání s indickou ministryní zahraničí Indirou Gándhíovou.

V. M. Suchodrev byl tlumočnickem nejvýše postavených státních představitelů SSSR. Pracoval na Ministerstvu zahraničí SSSR a poté vykonával funkci pomocníka generálního tajemníka Organizace spojených národů. Zabýval se překlady a tlumočením z ruštiny do angličtiny a také v opačném směru.

Zemřel 16. května 2014 v Moskvě.

2. Teorie překladu

„Translatologie je věda o překladu a tlumočení, respektive interdisciplinární vědní obor zabývající se převodem textů z jednoho jazyka do jiného, případně z jednoho sémiotického systému do jiného, ať už překladatelem lidským nebo překladačem strojovým, písemně (překlad) nebo ústně (tlumočení). Zajímá se o otázky přesnosti (věrnosti) překladu, převodu textů z jedné kulturní oblasti nebo dějinné doby do jiné, o otázku možnosti překladu (přeložitelnosti)“¹

V ruštině se kromě pojmu translatologie používá pojem “переведоведение“, který je ve výkladovém překladatelském slovníku² definován jako: 1. Наука о переводе как процессе и как тексте, изучающая историю перевода, его общие и частные теоретические основы, технику и методику процесса перевода, переводческие навыки и умения как сложных видов речезыковой деятельности в двуязычной ситуации, т.е. такой когда процесс речезыкового общения (коммуникации) осуществляется средствами двух языков (в кодах двух языковых систем).

2. Наука о переводе, изучающая вид речевой деятельности, в процессе которой должны репер-зентировать (выступать в качестве их полноправной замены) заданные речевые произведения (тексты) на ином языке.

D. Žváček (1995: 22) uvádí, že překlad se někdy chápe poněkud zjednodušeně jako převod textu z jednoho jazyka do druhého, z jazyka výchozího (=VJ) do jazyka cílového (=CJ), přičemž jde o náhradu znaků

¹ Dostupné z <https://cs.wikipedia.org/wiki/Translatologie> citováno 18. 4. 2020

² Нелюбин Л.Л Толковый переводоведческий словарь) [online] [cit. 10.4. 2020]
Dostupné z <http://rus-yaz.niv.ru/doc/translation-dictionary/fc/slovar-207-1.htm#zag-1134> 0

jednoho jazyka znaky druhého jazyka. Tato primární definice však nezachycuje všechny aspekty překladatelského procesu; vždy jde přitom především o vyjádření obsahu originálu odpovídajícími prostředky CJ. Každá informace (sdělení) může být (a to i v jednom jazyce) různými mluvčími vyjádřena různě, výchozí text může být tedy různým způsobem jazykově transformován, přičemž překlad představuje jednu z takových možných transformací. Zároveň však všechny tyto varianty mají něco společného, něco, co tvoří tzv. obecný smysl textu – invariant informace. Invariant je tedy obecný obsah informace, který je obsažen ve všech variantách (ve všech jazykových transformacích).

2.1 Kdo je překladatel

Z. Fišer (2009: 28-29) rozumí pod pojmem překladatele osobu, která se zabývá překládáním textu z výchozího do cílového jazyka. Autorem překladu bývá nejčastěji profesionální překladatel. Na tuto činnost bývá zpravidla školený, ať již institucionálně vysokoškolským studiem překladatelství, anebo jako autodidakt – samouk. Nemusí se tedy jednat o profesionála, ale i o laika nebo studenta. Překládáním odborných textů se často zabývají také specialisté z různých oborů, pro které není překladatelství hlavní profesí. Ti zodpovědní proto vyhledávají také konzultace s jazykovými odborníky.

Jak uvádí J. Levý (1998: 17), obecně by měl překladatel znát jak jazyk, do kterého překládá, tak i jazyk, ze kterého překládá a rozumět věcnému obsahu překládaného textu.

2.2 Překladatelské postupy

Při převodu textu z výchozího jazyka do cílového jazyka jsou používány různé překladatelské postupy a metody, které jsou shrnuty v publikacích, věnovaných teorii překladu. Překladatelskými postupy a metodami a jejich využitím při překladu do ruského/ z ruského jazyka se ve svých publikacích zabývají, například, D. Žváček (*Kapitoly z teorie překladu I (odborný překlad) 1995, Úvod do teorie překladu (pro rustisty) 1994*) nebo E.Vysloužilová (*Cvičebnice překladačství a tlumočnictví pro ruštináře.1994*).

E. Vysloužilová (1994: 12) dělí překladové transformace do tří základních skupin:

1. transformace lexikální
2. transformace gramatické
3. transformace lexikálně-gramatické.

Lexikální transformace:

K lexikálním transformacím řadí následující:

- Transliteraci, tj. přepis zvukové podoby cizojazyčného slova.
- Transkripci, tj. přepis grafické podoby cizojazyčného slova.
- Transplantaci, tj. umístění slova v původní podobě do textu překladu.
- Kalkování, tj. vytvoření nového slova nebo výrazu doslovným překladem, za použití vzoru původního jazyka.

Gramatické transformace:

Ke gramatickým transformacím řadí následující:

- Rozčlenění větné konstrukce, tj. nebo spojení několika konstrukcí v jeden celek
- Syntaktické kondenzace tj. (komprese)
- Záměny slovních tvarů, tj. „záměny gramatických kategorií čísla, pádu, slovesného času, vidu atd.“
- Slovnědruhové záměny (pronominalizace, nominalizace, verbalizace)
- Větněčlenské záměny
- Slovosledné transformace

Lexikálně-gramatické

K lexikálně - gramatickým transformacím řadí následující:

- Antonymický překlad, tj. výraz je přeložen výrazem opačného významu
- Rozšíření informačního základu, tj. v doplnění nezbytné informace pro správné porozumění výrazu.
- Celkové přehodnocení, jak uvádí E. Vysloužilová (1994: 16) „překladová transformace, která se často uplatňuje při převodu frazeologismů a ustálených slovních spojení.“

3. Předpřekladová analýza výchozího textu

3.1 Lexikální prostředky

Vzhledem k tématickému zaměření textu je samozřejmé, že se ve výchozím textu objevují vlastní jména, označující jak osoby, tak města či státy.

Z geografických názvů, tzv. toponym, se ve výchozím textu vyskytují například tyto: *Советский союз, Нью-Йорк, Америка, Лаос, Куба, Соединённые Штаты Америки, Вашингтон, Минск, Гандер, Индия.*

Jak již bylo uvedeno výše, v knize jsou popisována setkání autora knihy V. M. Suchodreva s nejvyššími politickými představiteli SSSR. V textu se tudíž objevují příjmení a jména, popř. jména po otci (otčestva), těchto politiků. Ve vybraných částech knihy se jednalo o tato příjmení a jména: *Андрей Андреевич, Косыгин, Вячеслав Михайлович Молотов, Иосиф Виссарионович Сталин, Никита Сергеевич Хрущёв, Михаил Сергеевич Горбачёв.*

Kromě příjmení a jmen ruských politiků se v textu vyskytují i jména a příjmení politiků zahraničních, jako například: *Джон Фицджералд Кеннеди, Индира Ганди, Шастри, Жозеф Филип Пьер Ив Эллиот Трюдо, Маргарет Тэтчер, Раджив Ганди.*

V souvislosti s geografickými názvy a jmény zahraničních (nesovětských) politiků je nutné upozornit i na způsob přejímání těchto jmen do ruštiny. Jména byla do ruštiny převzata buď prostřednictvím transliterace, tj. přepisu grafické podoby slova ve výchozím jazyce do ruštiny (*Америка, Лаос*) nebo prostřednictvím transkripce, tj. přepisu

zvukové podoby slova ve výchozím jazyce (*Нью-Йорк, Вашингтон, Освальд, Джон Кеннеди*).

Relativně časté je i užití zkratk, které označují státy, jako například *СССР (Союз Советских Социалистических Республик), США (Соединённые Штаты Америки)*. Zkratky jsou užívány i pro označení mezinárodních organizací – *ООН (Организация Объединённых Наций)*, či pro označení ministerstva zahraničí – *МИД (Министерство иностранных дел)*.

Z hlediska původu lexikálních prostředků, které jsou v textu užity, v textu převažují slova ruská, tj. slova slovanského původu. Kromě nich se v textu můžeme setkat i se slovy, která byla převzata z různých jazyků (nejčastěji z latiny a řečtiny), nicméně v ruském jazyce již zcela zdomácněla. Jedná se například o následující slova: *биография (греч.), текст (лат.), позиция (лат.) мотив (франц.), инициатива (франц.), принцип (лат.), процес (лат.), аргумент (лат.), сессия (лат.), метод (греч.), инспекция, план (лат.), президент (лат.), версия (франц.), аэропорт (англ.), шеф (англ.), стюардессы (англ.), салон (франц.), момент (лат.), импичмента (англ.)*.

Kromě spisovných jazykových prostředků se v textu objevují i slova hovorová, jako například:

- **Оторопь брала.**
- *Новость, конечно же, застала всех **врасплох** и сильно опечалила.*
- *Так что мы в эти дни по два раза **мотались** из резиденции в здание ООН и обратно.*
- *Корниенко принес **толстенный** энциклопедический словарь*

- Стала обсуждать, как решить вопрос о версии «советского следа» в деле об убийстве Кеннеди, о которой уже всюду **трубили** газеты.
- Стояла **несусветная** жара.
- На улицах — большая **неразбериха**.
- Помню, он всех нас поразил тем, что появился на официальном приеме в **цветастой** рубашке, без галстука и в сандалиях на босу ногу.
- Такого в Кремле не видывали: почетный гость, глава иностранного правительства — и вдруг такой **фортель**.
- Но в те времена это было **невидалью**.
- В его гардеробе были ультрамодные для того времени вещи: **широченные** галстуки, пиджаки с огромными лацканами, туфли на платформе. Каждый день он появлялся в новой рубашке — одна ярче другой.

Такé jsou v textu vulgární slova (бранное слово)

- Ну и **дураки!**

V jednom jediném případě je v ruském výchozím textu použité anglické slovo, přepsané do ruštiny, a sice *strip*

3.2 Morfologické prostředky výchozího textu

Pokud se zaměříme na určité slovesné tvary, lze říct, že ve výchozím textu převažují tvary 3. os. č. j. nebo mn.: (*И сегодня его **продолжают** вспоминать...*), (*Обычно прибывшие в НьюЙорк главы*

государств и правительств появляются в зале заседаний лишь в тот день и даже в тот час, когда им самим предстоит взойти на трибуну), (Смотрите, как интересно строят.), (И быстро, и грязи нет, и улицу не перекрывают.), (Только время теряют),

Tvary 2. os. jedn. nebo mn. čísla se objevují pouze v přímé řeči: *позвольте* (Позвольте представиться, я — Леви Эшкол, премьер-министр Израиля.) *говорите* (Вы отлично говорите по-русски), (А вы знаете, я, пожалуй, поеду с ним в Хатынь...)

Такé je možné se v textu setkat s rozkazovacím způsobem v přímé řeči. (Позвольте представиться, я — Леви Эшкол, премьер-министр Израиля.) (Здравствуйте, господин Микоян!), (Ну а вы, — сказал Анастас Иванович нам, — пейте лучше коньяк.) (Господин Микоян, передайте господину Хрущеву, что мой муж очень хотел вместе с ним строить прочный мир на земле), (Для меня, поверьте, это тоже большое горе.), (Скажите, а вот у ваших противников к руководству пришла женщина, Тэтчер.)

Vzhledem k tomu, že výchozí text je součástí autobiografie, ve které autor popisuje svoje zážitky, vyskytují se ve výchozím textu relativně často i tvary 1. os. č. jedn./mn: (Я имею в виду доклад Хрущева на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза.) (А у меня, помню, возникла личная проблема), (А вы знаете, я, пожалуй, поеду с ним в Хатынь...), (Иди, в случае чего мы тебя прикроем, — заверили помощники.) (Товарищ Суходрев, почему мы стоим?)

V hojném míře se v textu vyskytují **zvratná slovesa**:

- Утвердившись, Хрущев продолжал исповедовать принципы коллективного руководства, постоянно демонстрируя свою открытость, готовность прислушиваться к чужим мнениям, желание советоваться с народом.
- Прошло уже много лет, но я до сих пор помню, как Громыко пытался обратить внимание Хрущева на то, что ему самому, то есть Андрею Андреевичу, казалось олицетворением передовых методов.
- Что же касается меня, то я тоже как-то внутренне сжался.
- Первая встреча между Хрущевым и Кеннеди состоялась в американском посольстве

Vzhledem k tomu, že se jedná o memoáry a autobiografii, ve které autor knihy popisuje své zážitky, je většina slovesných tvarů v minulém čase.

- Хотя с позиций сегодняшнего дня можно по-разному относиться к мотивам, которые его побудили проявить такую взрывную инициативу и незаурядную, по крайней меретак тогда казалось, смелость.
- Изгнав из политической жизни основных своих соперников, бывших соратников самого Сталина — Молотова, Маленкова, Кагановича и человека с самой длинной фамилией, как шутили тогда, — «Примкнувшего к ним шепилова», Хрущев, по сути дела, стал действительно единоличным руководителем страны.
- А меньше чем через год он одержал новую победу.
- Советский Союз предстал перед миром в новом облике сверхдержавы...

- То же самое он активно выносил и на международную арену.
- Так что мы в эти дни по два раза мотались из резиденции в здание ООН и обратно.
- Громыко обратил внимание Никиты Сергеевича на строительство очередного небоскреба.

Kromě určitých slovesných tvarů se ve výchozím ruském textu objevují i slovesné tvary neurčité, tj. infinitivy, přechodníky a příčestí

- Потом они стали вспоминать о своей мимолетной встрече в 1959 году.
- Надо все огородить, перекрыть, стройматериалы завезти, чтобы все под рукой было.
- Обе стороны признавали, что и войну, и испытания надо прекратить.
- Допустить кого-то в засекреченные районы, а тем более на военные базы?

Рѣschodníky:

- Утвердившись, Хрущев продолжал исповедовать принципы коллективного руководства, постоянно демонстрируя свою открытость, готовность прислушиваться к чужим мнениям, желание советоваться с народом.
- И когда писали историю страны, вспоминая о каких-то достижениях и успехах хрущевского десятилетия, умудрились ни разу не назвать того, кто стоял в эти годы во главе партии, а значит, и государства....
- Довольно часто находясь рядом с ним, я был невольным свидетелем этого процесса.

Пříčestí:

- Немалую роль сыграла здесь и могущественная пропагандистская машина, всепроникающий партийный аппарат.
- Разумеется, помощь мы оказывали на самых льготных условиях, подчас выходящих за рамки возможностей нашего государства.
- Текст этого, считавшегося секретным, доклада зачитывался на закрытых партийно-комсомольских собраниях.
- Ни тогда не мог понять, ни сейчас не понимаю, почему же незаметил, не увидел эффективности этого метода строительства Хрущев, еще год назад колесивший две недели по Америке, от Восточного побережья до Западного, живший в самых разных гостиницах, которые все как одна были современными и строились именно по данному принципу!
- Допустить кого-то в засекреченные районы, а тем более на военные базы?

Пřídavná jména

V textu se vyskytují přídavná jména jakostní (качественные прилагательные) nejen ve tvaru prvního stupně, ale i v komparativu.

- Трюдо же стал проводить более независимую от США политику, подчеркивая отличия Канады от своего могучего южного соседа.
- Так всегда бывает, молодой человек хочет казаться постарше, вроде как и помудрее, ну а человеку пожилому всегда хочется выглядеть помоложе.
- Частые поездки Хрущева за рубеж открыли его, а вместе с ним и все наше государство, миллионам людей.

Kromě přídavných jmen jakostních se v textu objevují i přídavná jména vztahová (относительные прилагательные)

- Он должен появляться на всех заседаниях сессии — утренних и дневных.
- После взрывного хрущевского ответа он как-то сразу притих и больше не сказал ни единого слова.
- Венская встреча не привела к каким-либо конкретным договоренностям.
- А затем, вроде бы разочаровавшись в советской системе, вернулся в Соединенные Штаты.
- Словом, на этот «советский след» и намекали тогда американские газеты.
- В полночь по московскому времени мы подлетали к аэропорту Гандер, где должны были сесть для дозаправки.

Také se v textu vyskytují přídavná jména v superlativu (превосходная стéпень имен прилагательных)

- К счастью, он был преодолен, и на протяжении уже следующего года шел активный обмен мнениями по самым разным международным проблемам.

- Во время церемонии отпевания в соборе Микоян находился без охраны среди самых почетных гостей в главном нефе.

Podstatná jména

Ve výchozím textu se často objevují **podstatná jména slovesná**.

Pro jejich užití můžeme uvést následující příklady:

- Было заметно, как под влиянием всех этих факторов Хрущев в конечном счете уверовал в свою всесильность, всезнайство, всемогущество, непогрешимость.
- На этой стройке даже не было предусмотрено место для складирования стройматериалов. Короче говоря, для советского человека — весьма непривычная картина.
- Меня его высказывание неприятно поразило. Во время своих поездок в США, да и в другие страны, мне доводилось не раз видеть, как там строят.
- После взрывного хрущевского ответа он как-то сразу притих и больше не сказал ни единого слова. Что же касается меня, то я тоже как-то внутренне сжался.
- Но знакомство лидеров двух сверхдержав состоялось, и оно, наверное, получило бы какое-то дальнейшее развитие, если бы не цепь событий, вызванных опрометчивыми действиями Хрущева по размещению наших ракет на Кубе, спровоцировавшими, в свою очередь, Карибский кризис, который разразился в октябре 1962-го.
- К счастью, он был преодолен, и на протяжении уже следующего года шел активный обмен мнениями по самым разным международным проблемам.

- Но думаю, что определенное влияние на принятие окончательного **решения** послать на похороны А. И. Микояна, известного своей близостью к Хрущеву, оказала версия «советского следа» в деле об убийстве президента.
- Дабы не вводить в **смушение** националистически настроенные партии, Индира Ганди на официальных банкетах и митингах зачитывала свои речи на хинди.

Číslovky

Orientaci na časové ose nám usnadní číslovky řadové (порядковые числительные), které se objevují při vyjádření časových údajů (datum, rok), (выражение временных обстоятельств)

- Потом они стали вспоминать о своей мимолетной встрече в **1959 году**.
- Но знакомство лидеров двух сверхдержав состоялось, и оно, наверное, получило бы какое-то дальнейшее развитие, если бы не цепь событий, вызванных опрометчивыми действиями Хрущева по размещению наших ракет на Кубе, спровоцировавшими, в свою очередь, Карибский кризис, который разразился в октябре **1962-го**.
- Наступило **22** ноября **1963 года**, день, когда трагически погиб Президент Соединенных Штатов Америки.
- Я имею в виду доклад Хрущева на **XX** съезде Коммунистической партии Советского Союза, где он развенчал Сталина.
- **Первая** встреча между Хрущевым и Кеннеди состоялась в американском посольстве.

- Были предприняты и конкретные шаги, в частности установлена прямая линия связи между Кремлем и Белым домом, а в августе 1963-го подписан договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах.
- На второй или третий день в Кремле состоялась встреча Трюдо с Председателем Президиума Верховного Совета Н. В. Подгорным.

V textu se vyskytují také číslovky základní (количественные числительные)

- Причем так, что даже упоминать фамилию Хрущева почти два десятка лет было запрещено.
- Помощники Микояна, два Василия Васильевича, зная, что наступает день рождения шефа, решили отметить его.
- Минут через двадцать Трюдо и сопровождавшие его лица вышли на Ивановскую площадь Кремля и направились к машине, рядом с которой стоял один из мотоциклов почетного эскорта.
- Собралось человек под пятьдесят.

V textu se také vyskytují číslovky neurčité (числительное неопределенное)

Несколько минут Микоян говорил с бывшим Левой Школьником, а потом мы направились к выходу, туда, где стояла Жаклин Кеннеди.

Пříslovce

Ve výchozím textu jsou časté příslovce (*неэффективно, неприятно, внутренне, существеннее*).

3. Syntaktická struktura textu

V textu se vyskytují **několikanásobné větné členy (однородные члены предложения)**: Стюардессы организовали закуску, открыли бутылку красного вина, достали заранее приготовленный букет цветов. С интересом следил за ее речью, движениями, мимикой, жестами.

Такé se v textu vyskytují **složitá souvětí (сложноподчиненные предложения)**: Могу сказать, как единственный свидетель, который не только слышал вопрос Хрущева, но и видел выражение его лица в тот момент: это не так.

V textu se ve značné míře vyskytují konstrukce s příděstími tzv. **participiální konstrukce (причастные обороты)**:

- Текст этого, считавшегося секретным, доклада зачитывался на закрытых партийно-комсомольских собраниях.
- Немалую роль сыграла здесь и могущественная пропагандистская машина, всепроникающий партийный аппарат
- Разумеется, помощь мы оказывали на самых льготных условиях, подчас выходящих за рамки возможностей нашего государства.

V textu se také vyskytují pro ruský jazyk typické přechodníkové konstrukce (**деепричастные обороты**):

- **Утвердившись**, Хрущев продолжал исповедовать принципы коллективного руководства, постоянно **демонстрируя свою открытость**, готовность прислушиваться к чужим мнениям, желание советоваться с народом.
- И когда писали историю страны, **вспоминая о каких-то достижениях и успехах хрущевского десятилетия**, умудрились ни разу не назвать того, кто стоял в эти годы во главе партии, а значит, и государства.
- Дело в том, что в убийстве подозревался Ли Харви Освальд, который до случившегося в течение какого-то времени жил в Советском Союзе: он попросил политического убежища и, **находясь в Минске**, куда его определили на жительство, женился на нашей гражданке.

Na základě analýzy můžeme určit, že se jedná o umělecký styl. Kromě spisovné řeči se v textu vyskytují hovorové prostředky, přímá řeč, která se používá jen v uměleckém stylu. Také vulgární slova, která se v textu vyskytují jsou přípustná jen v uměleckém stylu. Převažuje minulý čas, protože se jedná o zážitky autora knihy.

4. Překlad

4.1 Nikita Chruščov – od záře reflektorů k zapomenutí

O Chruščovovi toho bylo napsáno hodně a dnes také bývá z různých důvodů zmiňován ve spojitosti s obdobím, kdy byl na vrcholu moci, v souvislosti s obdobím, které začalo v březnu 1953.

Já jsem začal pracovat na Ministerstvu zahraničí poté, co Chruščov otevřeně vystoupil na sjezdu Komunistické strany proti Stalinovi a odsoudil jeho diktátorské praktiky. Text tohoto projevu, který byl považován za tajný, se předčítal na uzavřených komunistických sjezdech.

Záčátky Chruščovovy politické kariéry je možné považovat za období jeho největší slávy. Z dnešního úhlu pohledu je možné pohlížet na jeho motivaci různými způsoby. Způsoby, které vedly k projevení silného a neobyčejného nesouhlasu. Jeho počínání je možné označit na danou dobu nesmělé.

A ani ne za rok dosáhl dalšího vítězství. Vypudil a odstranil z politiky své hlavní protivníky, bývalé poradce samotného Stalina – Molotova, Malenkova, Kaganoviče a jak se tehdy vtipkovalo „s nimi sympatizujícího Šepilova“. Chruščov se stal jediným vůdcem země.

A pokračoval v upevňování své moci, používal principy kolektivního vedení. Neustále projevoval svoji otevřenost a pohotovost naslouchat názorům druhých a také měl touhu radit se s národem.

Stejným způsobem vystupoval v mezinárodním prostředí. Jeho časté cesty do zahraničí seznámily milióny lidí nejen s ním samotným, ale i s naší vlastí. Sovětský svaz ve světě dostal novou vizáž supervelmoci –

veliké a děsivé země, ale zároveň země, připravené diskutovat a hledat cesty ke spolupráci a domluvit se i na nejožehavějších tématech.

Díky tomu autorita Chruščova význačně stoupala doma i v zahraničí. Ale mělo to také, jak se později ukázalo, i svoje negativa. Sám Chruščov se začal měnit.

Velmi často jsem byl v jeho blízkosti a tak jsem se stal nezávislým svědkem této změny. Chruščov podlehl pokušení kultu osobnosti, proti kterému v začátcích tak intenzivně bojoval. Podstatně k tomu přispělo úsilí jeho okolí, těch, kteří se díky němu dostali k moci. Nezanedbatelnou roli zde také sehrála propaganda a komunistická strana.

Nebylo možné si nevšimnout, jak pod vlivem všech těch faktorů Chruščev nakonec věřil ve svou všemohoucnost, všeznalectví, neomylnost.

Víc, než jednou jsem sledoval, jak stále více a více netoleruje názory jiných lidí, jak končily snahy vést s ním jakýkoliv dialog, který byl založen na hádkách, urážení. Začal se ztrácet v důkazech, když mu docházely argumenty. O tom budu vyprávět ještě později.

Vše skončilo tím, že spolupracovníci Chruščova, ti, kteří iniciovali a vytvořili obraz Chruščova – vůdce, Chruščova všemohoucího, se dohodli a najednou z něj udělali nikoho. Jen vyslovit jeho jméno bylo 20 let zakázáno. A když se psala historie země a byly připomínány úspěchy desetiletí jeho moci, nezmiňovalo se, kdo v tu dobu stál v čele strany a tím i v čele celé země.

4.2 Takto MY stavět nebudeme

Přistáli jsme v New Yorku kvůli účasti na valném shromáždění. Chruščov předpokládal, že tak jako na sjezdech komunistické strany se musí zúčastnit všech zasedání, dopoledních i odpoledních. Samozřejmě to nebylo nutné. Hlavy států a premiéři, kteří přijíždějí do New Yorku, se obvykle objevují v zasedacím sále jen v ten den a hodinu, kdy mají vystoupit se svým projevem.

Takže jsme se v tyto dny dvakrát táhli do budovy OSN a zpět.

A během jedné z těchto cest proběhl zajímavý rozhovor.

Vzadu v autě seděl Chruščov a Gromyko, já jsem seděl na sklopném sedadle. Když naše limuzína projížděla jednou ulicí, Gromyko upozornil Chruščova na stavbu dalšího mrakodrapu. Stavba byla obehnána plotem a ulice nebyla uzavřena. Podle určitého rozpisu ke stavbě přijížděly míchačky s maltou a stavebním materiálem, vše vysypaly a zase odjely. Vše, co se dovezlo, se vzápětí hned zpracovalo. Na staveništi nebylo ani místo, kde by se vše skladovalo. Zkrátka řečeno, pro člověka ze SSSR něco zcela neobvyklého.

Naše auto zastavilo na semaforu. Gromyko ještě jednou upozornil Chruščova na stavbu.: – Podívejte se, jak zajímavě staví a také rychle a čistě a ulice také nezavírají.

Nikita Chruščov se obořil: – Jsou to ale hlupáci! Je to neefektivní, pomalé, pro stavaře je to nepohodlné. Ztrácí jenom čas. MY takto stavět nebudeme. Když se staví, tak se staví. Při stavbě je třeba vše napřed navézt všechen materiál, aby vše bylo po ruce. Poté vše bude rychlé a dobré.

Jeho slova mě nepříjemně překvapila. Během svých cest do USA a do dalších zemí jsem totiž viděl, jak se tam staví.

Jeden rok staví základy, a další rok je budova hotová nebo téměř hotová. A tak jsem si u semaforu pomyslel, že u nás se stavebnictví v dohledné době určitě nezlepší, když má vůdce země takový názor.

Uběhlo mnoho let, ale dodnes si pamatuji, jak se Gromyko snažil upozornit Chruščova na to, co mu dávalo smysl. Poté co se Chruščov takto vyjádřil, Gromyko ztichl a už neřekl ani jediné slovo. Co se týká mě, vnitřně jsem se také jaksi stáhl. Ani tehdy jsem to nechápal, a ani dnes nechápu, proč si Chruščov nevšiml, jak je tato stavební metoda efektivní. Když ještě rok před tím jezdil dva týdny po Americe, spal v nejrůznějších hotelech, které se stavěly výše zmíněnou metodou. Musel si toho přece všimnout, vždyť to byl zvědavý člověk.

4.3 Setkání s Kennedym

První setkání Chruščova a Kennedyho se uskutečnilo na americkém velvyslanectví. Od samého začátku bylo domluveno, pokud se nemýlím tak na návrh Chruščova, že jednání budou probíhat jen ve dvou, pouze za přítomnosti tlumočnicků. A tak to i bylo.

Kennedy byl ve válce raněn a bolela ho záda, a proto měl v Oválné pracovně v Bílém domě po celou dobu perfektní houpací křeslo s tvrdým opěradlem. Také tady mu zařídili to samé křeslo, v tom samém seděl i Chruščov a mezi nimi byl nízký stolek.

Nebudu popisovat průběh celého jednání. Hlavními tématy byly situace v Laosu, kde v tu dobu probíhala občanská válka, a jaderné

pokusy. Obě strany uznávaly, že válku i jaderné testování je nutno zastavit. Ale při diskusi vznikla otázka, jak bude probíhat inspekce a kontrola. Při slově “inspekce” se Rusové vždy zarazili. Zpřístupnit někomu utajené oblasti, a ještě k tomu vojenské základny.

Rozhovor začal ze široka, představitelé se bavili o rodině a dětech. Během rozhovoru se Chruščov zeptal:

—Pane prezidente, a kolik je Vám let?

Kennedy odpověděl a Chruščov řekl:

—Ano, mému synu by teď bylo stejně, možná i více.

Poté mnozí tvrdili, že už při jejich prvním setkání chtěl Chruščov Kennedymu ukázat jeho místo. Údajně položil Kennedymu takovou otázku, a ještě ho srovnal se svým synem Leonidem, letcem, který zahynul ve válce, aby zdůraznil, jak je prezident mladý.

Jako jediný svědek setkání, který nejenže slyšel otázku, ale i viděl, jak se Chruščov při otázce tváří, říct, že to tak nebylo. Jsem přesvědčen, že Chruščov vložil do svých slov jiný smysl. Viděl jsem smutek v jeho očích, slyšel jsem tón jeho hlasu, a proto mohu říct, že se nejednalo o nějakou snahu shodit Kennedyho. Chruščov se na chvíli pohroužil do svých myšlenek, vzpomněl si na syna, a proto také použil neformální slova a na obličeji Kennedyho bylo vidět pochopení.

Potom začali vzpomínat na svoje setkání v roce 1959. Kennedy řekl, že od té doby zestárl, Chruščov se pousmál a řekl: — Mladý člověk chce vypadat starší, moudřejší, a starý člověk chce být vždy mladý. Měl jsem to stejně. A v tomto duchu probíhalo jejich setkání....

4.4 Rozloučení s Kennedym

Vídeňské setkání nevedlo k žádným konkrétním dohodám, dokonce se protichůdné názory ještě prohloubily. Ale setkání hlav států proběhlo a asi by se i rozvíjelo dále, kdyby nedošlo ke sledu událostí, které byly vyvolány jednáním Chruščova ohledně rozmístění sovětských raket na Kubě, které v říjnu 1962 způsobilo Karibskou krizi. Krize byla naštěstí překonána a další rok se již projednávaly různé mezinárodní problémy. Byly učiněny i konkrétní kroky, nainstalována přímá linka mezi Kremlem a Bílým domem a v srpnu roku 1963 byla podepsána smlouva o zákazu testování jaderných zbraní.

Hovořilo se i o dalším setkání Chruščova a Kennedyho.

Ale přišel den D 22. října 1963, kdy byl spáchán atentát na prezidenta USA.

Samozřejmě tato událost všemi silně otřásla. Začaly se objevovat informace o tom, že prezidenti mnoha států přijedou do Washingtonu na pohřeb. Nevím, jak se tato otázka přesně řešila u nás. Nevylučuji, že se sám Chruščov nechtěl jet s Kennedym rozloučit. Ale myslím, že určitý vliv na Chruščovovo rozhodnutí poslat na pohřeb A. I. Mikojana, který byl znám svojí blízkostí k Chruščovovi, měla verze o „sovětské stopě“ v atentátu na prezidenta USA.

Problém byl v tom, že z vraždy byl podezírán Lee Harvey Oswald, který žil po nějakou dobu v SSSR, požádal o politický azyl, žil v Minsku, kde získal občanství, a oženil se s občankou SSSR. A poté když ztratil iluzi o Sovětském svazu, se vrátil do USA. Na tuto „sovětskou stopu“ naráželi novináři.

Nařídili mi doprovázet Mikojana. Okolo půlnoci moskevského času jsme přistáli na letišti Gander, kde jsme doplnili palivo. Asistenti Mikojana, věděli, že jejich šéf bude mít narozeniny a rozhodli se, že je oslaví. Stevardky zajistily občerstvení, otevřely láhev červeného vína a donesly připravenou kytici. Když bylo vše hotové, požádali jsme jednu stevardku, aby požádala Mikojana, aby za námi přišel do salónku.

Stevardka protestovala:

— Jak si mohu dovolit rušit soudruha Mikojana?

Asistenti řekli: — Jdi, a kdyby něco, zastaneme se tě.

Stevardka vešla do salonu Mikojana, který pracoval s nějakými papíry. Jak poté vyprávěla stevardka, zvedl udiveně oči a řekl:

— Oni se tam zbláznili?

Ale i tak se zvednul a šel. Uviděl podnos s vínem, květiny a hned všechno pochopil. Protože krátce předtím byl na operaci, poprosil, aby mu víno naředili vodou.

— A vy si dejte koňak, — řekl Anastas Ivanovič.

Rádi jsme ho poslechli. Tak jsme oslavili jeho narozeniny během letu do Washingtonu.

Letadla hlav států přistávala jedno za druhým. Po přistání jsme se hned vydali na sovětskou ambasádu. Velvyslancem tam byl již rok Anatolij Fedorovič Dobrynin a diplomatem Georgij Markovič Korniensk, který se poté stal náměstkem ministra zahraničních věcí.

Mikojan se ubytoval na velvyslanectví a my ostatní v nedalekém hotelu. Dobrynin obdržel od Ministerstva zahraničí instrukce, jak bude

pohřeb probíhat. Nejprve se všichni setkají v Bílém domě, odtud se přesunou do kongresu, kde je vystavena rakev, poté bude průvod doprovázet pěšky rakev až do kostela, ve kterém proběhne zádušní mše, a poté se všichni přemístí na Arlingtonský národní hřbitov.

Pokyny také obsahovaly bod, týkající se oblečení. V Anglii i USA je zvykem oblékat si na pohřeb žaket. Díky svým předchozím zkušenostem jsem věděl, že naši prezidenti nemají ani smokingy, ani fraky. Jaké pro mě ale bylo překvapení, když mi Mikojan najednou oznámil, že si s sebou dovezl nějaké sako s dlouhými šosy. Později jsme zjistili, kde se u Mikojana frak vzal. Vyšlo najevo, že se účastnil slavnostní inaugurace pákistánského prezidenta a tam na různých slavnostních ceremoniálech museli mít zúčastnění frak i žaket. Mikojan nechtěl porušovat etiketu etiketu, a tak si nechal ušít oboje.

Asistent donesl ramínka s obleky. Ukázalo se, že někdo z personálu se spletl a na ramínko pověsil pruhované kalhoty místo fraku a na ramínko, kde měl být žaket, pověsil černé kalhoty s hedvábnými pruhy. Vznikl spor. Hned jsem upozornil, že oblečení není správně zkompletované. Nesouhlasili semnou. Kornienko přinesl objemný encyklopedický slovník. Otevřeli a našli popis, a dokonce i malinkatý obrázek, který potvrdil, že jsem měl pravdu.

Začalo se přemýšlet, jak se vzniklá situace, s atentátem na Kennedyho a s “ruskou stopou”, vyřeší. Novináři se činili. Do USA byly již odeslány nějaké kopie dokumentů, co u nás byly v archivu ohledně Lee Harvey Oswalda. Mikojan dovezl i jejich originály a okamžitě je odeslal na Ministerstvo zahraničí. Podklady prokázaly, že žádná “ruská stopa” neexistuje.

Já jsem měl osobní problém. Značná část pohřbu probíhala venku. Bylo tedy nutné mít svrchní vrstvu oblečení. A barva mého kabátu se pro tuto příležitost nehodila. Maličkost? Nemyslím si, v takovýchto případech oděv hraje důležitou roli. Zachránil mě Viktor Isakov, který mi půjčil svůj tmavě modrý kabát, ve kterém jsem na pohřeb nakonec šel.

Je důležité zmínit, že americká ochranka dávala velký pozor na Mikojana, báli se provokací. Ani ne teroristů, ale různých psychopatů, kteří nepočkali na výsledky vyšetřování a nebyli si vědomi, že SSSR není do atentátu na Kennedyho zapojen. Proto když jsme vyrazili na pohřeb, bylo kolem Mikojana členů ochranky jako much. Více amerických než našich sovětských.

Při smutečním obřadu v chrámu byl Mikojan bez členů ochranky mezi hlavními hosty v chrámové lodi. Velvyslanci, jako Dobrynin, byli v boční části chrámu. Doprovodil jsem Mikojana na jeho místo a sám jsem odešel k jednomu z chrámových sloupů a pozoroval jsem celý smuteční obřad.

Masivní rakev s tělem Kennedyho byla speciálně vyvýšena a zavřená. Duchovní četli modlitby, sbor zpíval a hrály varhany. V první řadě seděli Kennedyho blízcí a mezi nimi Jacqueline Kennedyová. Tehdy se mi zdálo, že nehledě na velké množství přítomných lidí na pohřbu, je Kennedyova rodina se svým žalem sama.

Poté se všichni vydali k Arlingtonskému hřbitovu. Vzpomínám si, že americká ochrana přikázala Mikojanovi z bezpečnostních důvodů sedět v autě na zadním sedadle uprostřed. Kdyby chtěl někdo spáchat teroristický útok, nejvíce by byli zasaženi ti, kdo seděli na kraji – já a Dobrynin.

Celý smuteční obřad je podrobně popsán v historických archívech.

Ze hřbitova se všichni odebrali do Bílého domu. Ještě bylo světlo, okolo 16 hodin. Všichni se shromáždili v sále, kde se konal banket. Byla to poslední oficiální akce Kennedyho manželky Jacqueline. Na stole byly sendviče, zákusky. Podávala se pouze káva a čaj. Podle západního zvyku se alkohol na pohřební hostině nepodává.

Jeden ze zaměstnanců Bílého domu, se kterým jsem se znal a který se “staral o Mikojana”, ke mně přišel a řekl:

— Viktore, nepodává se alkohol, ale tam v rohu jsou dveře a za nimi je bar. Jestli někdo od Vás bude chtít, je možné si alkohol vzít tam. Nikdo proti tomu nic mít nebude.

Šel jsem do baru a vzal jsem si skleničku whisky se sodou a tu se ke mně přidal Anastas Ivanovič. Podíval se na mou sklenici a říká:

—Kde jsi to vzal?

Odpovídám:

—Znamé je důležité mít všude. Dobře jsem se zařídil. Mohu obstarat i Vám.

Mikojan samozřejmě odmítl.

Později ten samý člověk z ochranky ke mně přišel a oznámil mi, že by bylo vhodné, aby Mikojan odcházel poslední. To jsem Mikojanovi vyřídil.

Jacqueline Kennedyová po pohřbu odešla do svého pokoje. V průběhu celého pohřbu se chovala velmi statečně. Její obličej zakrýval černý závoj, ale i přes závoj jsme všichni viděli její uplakané oči. Jakmile

se hosté začali rozcházet, sešla dolů a s každým se rozloučila a prohodila pár slov. Řada hostů byla dlouhá. My jsme zůstávali stát u stolu. A najednou k nám přišel člověk, střední postavy a řekl rusky:

—Dobrý den, pane Mikojane.

Mikojan s otázkovou intonací ho pozdravil. Dotyčný pokračoval:

—Dovolte, abych se představil, já jsem Levi Eškol, premiér Izraele.

Mikojan mu podal ruku a řekl:

— Mluvíte dobře rusky.

On se usmál a řekl:

—Musím mluvit rusky, když jsem Leva Školnik z města Nikolaeva. Můj bratr tam dosud žije.

Několik minut jsme spolu hovořili, poté jsme se odebrali k východu, tam, kde stála Jacqueline. Řada hostů již prořídla. Mikojan jí vyjádřil upřímnou soustrast i jménem Sovětského svazu. Ona vzala jeho ruku do svých a poprvé za celý den jsem uviděl, jak se jí v očích zaleskly slzy.

Pověděla:

— Mikojane, prosím, vyřídte panu Chruščovovi, že můj muž s ním chtěl na zemi vytvořit mír. Teď už je to v rukou Chruščova a jen na něm.

Pamatuji si ta slova jako dnes...

4.5 Přerušená píseň

Kosygin měl s Indirou Gándhíovou velice dobré osobní vztahy už od jejich prvního setkání, ke kterému došlo během smutečních dnů, spojených s úmrtím indického premiéra Lála Bahádura Šastrího.

I dnes je ve světové politice málo žen, které mají stejný půvab, jako měla Indira Gándhíová. Mnohokrát jsem se účastnil setkání a jednání, na kterých byla přítomna. Dodnes si pamatuji její vliv na ty, kteří ji obklopovali.

Všechna jednání vedla vždy velice klidně a rozvážně. Mluvila tichým hlasem. Vždy byla nekompromisní při prosazování svých názorů nebo při projednávání svých žádostí, kterých bylo v tu dobu ze strany Indie více než dost a týkaly se ekonomické nebo vojenské pomoci a dalších záležitostí. Od ekonomiky přes vojenské otázky a mnoho dalších témat. Pomoc jsme poskytovali za co nejvýhodnějších podmínek, které někdy i překračovaly možnosti naší země. Myslím si, kdyby stál v čele Indie někdo jiný, tak by se Indii sotva dostávalo takové obrovské podpory od SSSR. Několikrát jsem si myslel, že Brežněv a Kosygin jednoduše propadli jejímu šarmu. Indové si toho také všimli a na jednáních s námi se pokoušeli ji protlačit, aby to byla ona, kdo s námi bude vyjednávat.

Vždy jsem si jí velmi vážil. Se zájmem jsem poslouchal její řeč, sledoval její mimiku a gesta. Také jsem se zájmem sledoval, jak mistrovsky dokáže vést jednání – obratně, šikovně a jak se vyjadřuje plynulou angličtinou. Angličtinu ovládala lépe než hindí.

V době, kdy vládla, se v Indii vedly spory o tom, aby Indie upustila od angličtiny jako oficiálního jazyka a vrátila se zpět k používání hindí. Aby Indira Gándhíová nezarmoutila nacionalistické politické strany, vystupovala na oficiálních banketech a mítinzích se svými projevy

v hindštině. Ale někteří lidé věděli, že aby se nespletla při výslovnosti, tak si text své řeči připravovala dříve a zaznamenávala si správné přízvuky.

Bezpochyby byla nevšední ženou a měla mnoho nepřátel.

Během následujících 18 let jsem se mnohokrát účastnil jednání s Indirou Gándhiovou jak v Moskvě, tak v Dillí. Není možné si pamatovat podrobnosti všech setkání, a ani není důvod. Ale z nějakého důvodu paměť nezapomíná tragické události.

Na pohřbu Indiry Gándhiové jsem byl spolu s předsedou Rady ministrů Nikolajem Alexandrovičem Tichonovem a místopředsedou Prezídia Nejvyššího sovětu SSSR Vasilijem Vasiljevičem Kuzněcovem, který mě kdysi – po ukončení studia na vysoké škole – přijal do práce na Ministerstvu zahraničí.

Ve srovnání s pohřbem indického premiéra Lála Bahádura Šastrího bylo ve dny smutku mnohem více projevů národního žalu, zármutku a bezradnosti: Šástrí umřel stářím, Indiru surově zabil jeden z jejích osobních strážců.

Zpráva o smrti Indiry Gándhiové se dostala k Tichonovovi a Kuzněcovovi, když se vraceli z Kuby, kde pobývali na oficiální návštěvě. Po dlouhém letu z Havany do Moskvy se skoro tentýž den vydali do Dillí.

Na osobní příkaz A. Gromyka jsem letěl s nimi.

Když jsme přistáli v Dillí, už se stmívalo. Přímo z letiště jsme jeli do rezidence Indiry Gándhiové. Bylo nesnesitelné horko, na ulicích vládli zmatek. Kolony aut jezdily tam a zpět, přijížděly, odjížděly, vytvářely zábrany brzdily provoz na úzkých španě osvětlených uličkách Dillí. Cestou jsme často stáli, Tichonov se několikrát obrátil a ptal se, nevím proč, mě:

—Pane Suchodrev, proč stojíme?

No, jak jsem to mohl vědět, když jsem přiletěl společně s nimi?

V okolí byl takový zmatek, že ji pocítili i “ moji dva starci”. Už se mě na nic neptali a mlčeli. Po příjezdu do rezidence jsme prošli několika místnostmi až do malého sálu, kde se nacházelo tělo Indiry Gándhíové. Tělo leželo na nízkém podstavci, v čele postele byla přenosná klimatizace. Bylo evidentní, že klimatizace nefunguje, jak má, protože když jsem přišel blíž, viděl jsem, že krásný obličej Indiry Gándhíové je již znehodnocen teplem. V Indii není zvykem balzámovat a líčit zesnulé. Pocítil jsem, jak se mi sevřelo srdce, když jsem uviděl temné skvrny na dříve krásném obličej. Pamatuji si, když jsem se vrátil do Moskvy, že mi moje žena řekla, že i v televizi byl vidět, jak jsem byl otřesen.

Obešli jsme podstavec a došli jsme ke stolu, na kterém ležela smuteční kniha. Někdo z Indů otočil stranu a podal Tichonovovi propisku. Ten se posadil a zamyslel se. Obvykle se velvyslanectví snaží připravit si smuteční text předem. Ale teď se to nestihlo. Tichonov zvedl hlavu a zeptal se mne:

—Co mám napsat?

Nebyl tam nikdo, kdo by mu napověděl. Také vedoucí sekretariátu Boris Bacanov někam zmizel. Velvyslance jsem také neviděl. Tak jsem se nahnul a začal jsem potichu diktovat:

—Společně s národem indickým ... smutníme nad skonem ...veliké dcery Indie “ Tichonov pomaličku napsal text, svou třesoucí, stařeckou rukou.

Další den byla kremace. Vedro bylo takové, že se zdálo, že vše okolo se rozpouští. Bylo mi líto “mých dvou staříků “ , kteří to sotva vydrželi.

Syn Indiry Gándhiové Rádžív zapálil obrovský oheň. Začal dlouhý ceremoniál spalování těla.

Po smrti Indiry byl premiérem jmenován právě Rádžív Gándhí, syn Indiry Gándhiové. Naše delegace v čele s Tichonovem ho navštívila. Po vyjádření upřímné soustrasti jsme měli krátké obchodní jednání. Při odchodu a loučení podal Rádžív ruku i mně. Já jsem mu řekl:

—Promiňte, já jsem tady pouze coby tlumočník, ale velice dobře a dlouho jsem znal vaši matku, váženou matku Indie Indiru Gándhiovou, proto, prosím, přijměte vyjádření upřímné soustrasti i ode mě. Věřte, že i já její smrt nesu velice těžko.

Rádžív sklopil oči a zamumlal:

—Děkuji, děkuji ...

A čtenáři si určitě pamatují, že za několik let Rádžíva postihl stejný smutný osud jako jeho matku.

4.6 Veselé eskapády Pierra Trudeau

Období značného zlepšení a rozvoje vztahů Sovětského svazu s Kanadou jsou spojeny se jmény Kosygina a Pierra Trudeaua.

Mé první setkání s premiérem proběhlo v Kanadě, když jsem tam jel s naší delegací, v jejím čele byl člen Politbyra D. S. Poljanskij. Trudeau byl tehdy docela mlád a zastával ne příliš vysokou funkci, myslím, že poradce ministra spravedlnosti. Pamatuji si, že nás všechny dostal tím, že

se na oficiálním setkání objevil v květované košili, bez kravaty a v sandálech naboso. Měl v sobě něco společného s hippie, každopádně do očí bilo jeho chování a vzhled.

Následně si Trudeau poměrně rychle vydobyl přední pozice ve vládnoucí Liberální straně a v roce 1968 se stal premiérem.

Dlouho byl svobodný, proto ho neustále spojovali s milostnými poměry se známými herečkami a aristokratkami. Ale na jeho politickou kariéru to nemělo žádný vliv.

Vztahy s Kanadou se vyvíjely klidně, bez nějakého velkého přátelství nebo bez velkého nepřátelství.

V SSSR převládal názor, že Kanada patří k USA a že žádnou samostatnou politiku nemá. Do určité míry to tak bylo. Trudeau začal vést politiku, která byla méně závislá na politice USA, a zdůrazňoval rozdíly mezi Kanadou a jejím silným jižním sousedem. Zároveň s tím zmiňoval, že Kanada má také ještě jednoho souseda přes severní pól. A opravdu, jestliže se podíváte zhora na glóbus, tak uvidíte, že Kanada a Rusko nejsou tak daleko od sebe. Pozoruhodné je i to, že zemědělsky obdělávaná půda v Kanadě, v zemi, která patří k největším vývozcům pšenice na světě, leží ve stejných zeměpisných šířkách, jako Rusko. Vývozců pšenice bylo tam stejně jako u nás.

Postupně ruští vůdci doznali, že je možné se od Kanady něco přiučit a má smysl s ní navazovat politické a hospodářské vztahy. Stručně řečeno Trudeaua pozvali do SSSR a on pozvání přijal.

Krátce předtím se stalo to, na co čekali všichni Kanadčané: Trudeau se přece jen oženil. Jeho vyvolené nebylo více než 19 let a udělala silný dojem, když z letadla vystoupila v minisukni.

Jak je známo, podle protokolu vždy vzácné hosty doprovází čestná eskorta motocyklistů. Tentokrát to byl působivý pohled – jasně přiléhavé bílé přilby. Všimnul jsem si, že Trudeau nepřestával sledovat motocykl, který jel hned vedle limuzíny. Potom se nečekaně zeptal Kosygina, který seděl hned vedle:

—Tento motocykl je sovětské výroby?

Kosygin se podíval na motocykl, a nevím z jakého důvodu na něm nebyl výrobní štítek. Upřímně řečeno nevím, ale asi ano.

Trudeau upřeně sledoval motocykl, až do rezidence, který zasáhl jeho představitost.

Druhý nebo třetí den se v Kremlu konalo setkání Trudeaua s předsedou Prezídia Nejvyššího sovětu N. V. Podgornym. Setkání netrvalo dlouho. Za 20 minut Trudeau a jeho doprovod vyšli na Ivanovo náměstí v Kremlu a zamířili k autu, vedle kterého stál jeden z motocyklů z doprovodu. Když ho Trudeau uviděl, zrychlil krok, šel blíže, prohlédl si ho a dotkl se ho. Potom nasedl, sundal motorku ze stojánku a k úžasu ochranky i všech lidí kolem nastartoval a vydal se vpřed. Než jsme se vzpamatovali, Trudeau udělal kolečko po náměstí a mistrovsky zabrzdil na tom místě, ze kterého vyjel.

—Dobrý motocykl, — prohlásil, když se k nám přiblížil.

Naši se strnule usmáli a posadili hosta do limuzíny. Tohle v Kremlu ještě neviděli. Vážený host, hlava zahraničního státu a najednou takový obrat.

Na kanadském velvyslanectví se podávala snídaneň na počest Kosygina. Před tím, než začala snídaneň, přivedl Trudeau k oknu Kosygina, na nádvoří velvyslanectví stál sněžný skútr.

—Pane premiére, chci vám dát typický kanadský dárek, —řekl Trudeau a pokývnul hlavou ke skútru.

V dnešní době není v Rusku sněžný skútr žádná vzácnost, ale dříve to bylo nevídané. Kosygin začal s velkým zájmem studovat neznámý dárek. Srdečně poděkoval Trudeauovi. Později jsem zjistil, že skútr na přání Alexeje Nikolajeviče převezli do jednoho našeho závodu, aby i tam začali vyrábět tyto stroje, které jsou v severných oblastech tak nezbytné.

Trudeau měl i zajímavý styl oblékání. V jeho šatníku byly na tu dobu nejnovější módní kousky: široké kravaty, saka s obrovskými klopami, podražené boty. Každý den měl jinou košili, jednu pestřejší než druhou. A to už nemluvím o jeho rozšířených kalhotech!

Premiéra vzali do Velkého divadla, do Treťjakovské galerie. Znenadání se zeptal, jestli možné, aby si neoficiálně, jen on a jeho manželka, bez doprovodu poslechli cikány, o kterých se tak mnoho Trudeau dozvěděl.

Ale jak bez doprovodu?! Naše protokolární oddělení se začalo kmitat. Oznamili to Kosyginu a ten dal souhlas.

V restauraci “Archangelskoe” uspořádali koncert umělců Moskevského hudebního cikánského divadla “Romen”. Povolali i číšníky z Kremlu, dovezli potraviny a pro obyčejné hosty byla restaurace zavřená.

Kosygin přijel v doprovodu své dcery Ludmily a následovala je ochranka, pobočníci, zaměstnanci Ministerstva zahraničí a doprovod. Dorazilo okolo 50 lidí. Když Trudeau uviděl tento dav, zamračil se. Pochopil, co je to za doprovod.

Stoly rozmístili jako obyčejně na oficiálních setkáních do písmene U. Prostředí bylo také stejné jako v Kremlu. Všichni se usadili. Trudeau netrpělivě čekal, kdy vyjdou cigáni. No ale nebyli by to Rusové, kdyby nechali hosta kochat se v klidu cikánskými písněmi a tanci. Do sálu vešel ředitel divadla "Romen" a začal s přednáškou na téma vznik jediného cikánského divadla na světě. Jeho vystoupení tlumočili do angličtiny. Premiér trpěl. Ale nakonec vyšli cikáni.

Poté jsem se dozvěděl, že umělci měli zakázáno přiblížit se ke stolu, u kterého seděl Trudeau, méně než na 3 metry, a také nesměli zpívat píseň Milému Pierru, vypij do dna!

4.7 Mužský rozhovor

O návštěvě anglického premiéra Harolda Wilsona v Moskvě roce 1975 jsem se již zmiňoval. V té době už Brežněv upevnil svoji moc v roli vůdce SSSR. Samozřejmě tak také vystupoval v jednáních s Wilsonem. V době jeho návštěvy pomalu ale jistě odcházel Kosygin do ústraní. Na Kosygina vyšla řada na vedení jednání ohledně otázek ekonomické spolupráce a také vše, co souviselo s protokolem: uvítání na letišti a poté zase doprovod premiéra na letiště Vnukovo. V den odletu Kosygin navštívil premiéra ve vile Leninských, dnes Vrabčích horách. Společně poseděli a před cestou vypili čaj. Jakmile dostali znamení od protokolární služby, vyšli z budovy, sedli do auta a kolona aut se vydala směrem k letišti Vnukovo-2.

Krátce před touto návštěvou se do vedení Konzervativní strany Velké Británie, která byla v opozici, dostala Margaret Thatcherová. Stala se lídrem konzervativců v době, která nebyla pro stranu vůbec lehká, v době propadu strany u voleb. O Margaret Thatcherové se toho ve světě moc nevědělo. Hlavně v SSSR.

Kolona aut se dvěma ministry vyjela na Leninovu třídu a potom na dálnici, která vede na letiště. Wilson a Kosygin seděli v limuzíně a mluvili o všem možném. Kosygin se najednou zeptal:

—Vaše opozice má nového vůdce, ženu, Margaret Thatcherovou. Můžete mi, prosím, říct, co je to za člověk?

Harold Wilson odpověděl, že je připraven říct čistě svůj názor. Začal mluvit o tom, že je určitě silná politička, dovedně bojovala o vedení ve straně. A že se v případě vítězství konzervativců ve volbách stane automaticky předsedkyní vlády Velké Británie. Pochází z prosté rodiny, ale vzdělání má exkluzivní. Umí se dobře vyjadřovat, je velmi houževnatá, vkusně se obléká, vždy má dokonalý make-up, na rukou je znát péče, vždy má dokonale upravené vlasy. Velmi svědomitá...

Wilson mluvil dlouho a dělal jen pauzu na překlad. Kosygin ho nepřerušoval.

Na obzoru se již objevily budovy letiště.

Najednou Wilson úplně jiným tónem řekl:

— Zkrátka má všechno, jak to má být.

— Zkrátka, pane předsedo – já bych ...

Kosygin se od srdce rozchehtal. Ti dva premiéři se pochopili.

Ti, co někdy viděli Kosygina, těžko budou souhlasit se slovem „rozchehtal se“. Ale on opravdu vyprskl smíchy.

Když vycházeli z auta, řekl:

— Vy jste vyčerpávajícím způsobem odpověděl na můj dotaz, pane Wilstone.

Britský premiér bez povšimnutí vytáhl z kapsy mně již známou dýmku.

4.8 Konec jeho cesty

Poté co přestal být Chruščov v čele SSSR, Kosygin často jezdil služebně za hranice na odpovědné mise. Podle mě z toho důvodu, že Brežněv se nechtěl aktivně zapojovat do mezinárodního života. Brežněv byl v začátcích nesmělý před zahraničním publikem, ale postupně se zapojil a Kosygina odsunuli na druhou kolej. Nevím, kdo za tím byl, pravděpodobně straníci. Když prolistujete dobové noviny, zjistíte, že na titulních stránkách psali o tom, co dělal Kosygin a také současně o tom, čím se zabýval Brežněv nebo Podgornyj. A na začátku 70.let 20. století už Brežněv začal hrát v mezinárodních záležitostech první housle.

V hlavě mi zůstalo mnoho dobrých vzpomínek na Alexeje Nikolajeviče Kosygina, člověka velice aktivního, zajímavého, řekl bych, že na tehdejší dobu vynikajícího. Měl podporující ženu, která ho vždy, když to umožňoval protokol, doprovázela. Byla to sympatická, usměvavá, přívětivá dáma a do práce se manželovi nepletla. Bohužel brzy zemřela a všichni vzpomínali na to, jak se k ní Kosygin hezky choval. Zkrátka, manželé Kosyginovi byli vážení manželé, byli přátelští k lidem a uměli si dobírat jeden druhého.

Tak v mé paměti zůstal Kosygin, ale není všechno vždy jen černé, nebo bílé. A také Kosygin nesl na svých ramenou špínu té doby a také neduhy své doby. A hlavně svůj charakter, zformován stalinskou epochou.

A proto se nelze divit tomu, že podle některých zápisů ze zasedání Politbyra v 60. – 70. letech byl Kosygin při projednávání otázek,

spojených s disidenty a konkrétně se *Sacharovem jedním z těch, kdo se vyslovil pro přijetí co nejtvrděších trestů.

Nechtěl bych samozřejmě končit svoje vyprávění o Kosyginovi právě tímto, ale co se dá dělat – V písničce se slovo vynechat nedá.

*(Andrej Dmitrijevič Sacharov (21. května 1921 – 14. prosince 1989)

významný SSSR vědec, fyzik, zastánce lidských práv, disident, nositel Nobelovy ceny)

4.9 Stůl na trávníku

V Minsku si prezident prohlédl město, položil květiny k památníku padlých během druhé světové války. Poté byl za městem na počest prezidenta Nixona podáván oběd v rezidenci běloruské vlády. Na tomto obědě prezident pronesl působivý projev, ve kterém ocenil a vyzdvihl běloruský národ v době Druhé světové války.

Po obědě prezident odpočíval a já jsem se šel spolu s ostatními tlumočníky – Vavilovem a Akalovskim – projít. Kousek od domu jsme potkali prvního tajemníka Ústředního výboru Komunistické strany Běloruska Petra Mironoviče Mašerova. Zastavil se vedle nás a začal rozrušeně mluvit o řeči Nixona na obědě a potom najednou řekl:

—A víte co, pojedu s nimi do Chatyně. Ustanovením Politbyra to sice naplánováno není, ale nebudu se nikoho ptát a pojedu.

Na mě jeho slova udělala velký dojem.

Problém byl v tom, že doprovod vysoce postaveného hosta byl vždy jasně určen usnesením Politbyra Ústředního výboru Komunistické strany Sovětského svazu.

Provádět jakékoli změny se nedoporučovalo. Mašerov jako první tajemník měl uvítat Nixona a účastnit se oběda (v Moskvě se podobných akcí účastnil Brežněv). A do Chatyně měl prezidenta doprovázet jen předseda Prezídia Nejvyššího Sovětu Běloruska. Tímto tedy Petr Mironovič nedodržel usnesení, což byl na tu dobu velice neobvyklý přístup. Ale on takový byl vždy, charakterizovali ho tak i jeho blízcí.

Chatyň je vesnice, která je neblaze známá celému světu, vesnice, kterou 1943 nacisté spálili společně s jejími obyvateli na popel. Uhořeli všichni, staříci, ženy, děti... V roce 1969 na místě bývalé vesnice otevřeli pamětní architektonický a sochařský komplex Chatyň. Když si prezident Nixon prohlížel tento komplex, bylo zřejmé, že na něj místo silně zapůsobilo. Sklonil hlavu a chvíli postál u věčného ohně a pozorně poslouchal vyprávění veteránů partyzánského odboje.

Na pozadí hustého lesa, na zeleném trávníku, postavili velký psací stůl a křeslo, aby Nixon mohl zapsat své dojmy do knihy návštěvníků komplexu. Nixon se posadil a sklonil hlavu nad otevřenou knihou. Kolem něj hned začali pobíhat novináři. Hned vedle mě stál jeden z pomocníků Nixona. S hrůzou mi zašeptal:

—Bože můj! Nemohu si představit, co napíšou naši novináři k této fotografii. “Nixona vyhnali z Bílého domu!” Výjev byl vskutku neobvyklý: uprostřed zeleného trávníku, za psacím stolem, sám sedí člověk a cosi píše.

Večer jsme se vrátili do Moskvy. Příští den, po rozloučení s Brežněvem a oficiálním přijetím v Kremlu, Nixon opustil hlavní město. Byla to jeho poslední návštěva SSSR v době, kdy byl prezidentem. Brzy Nixon odstoupil, aby se vyhnul ostudě z obžaloby.

5. Komentář k překladu

Transformace

jedním typem gramatické transformace je i záměna přechodníkových konstrukcí vedlejší větou, nebo záměna obrátů s přídavnými jmény slovesnými opět vedlejší větou

- **Приехав** в резиденцию, мы прошли через анфиладу комнат в небольшой зал, где находилось тело Индиры Ганди/ **По приезде** do rezidence jsme prošli několika místnostmi až do malého sálu, kde se nacházelo tělo Indiry Ghándhíové.
- **Приземлившись**, мы сразу же отправились в советское посольство. **По пристании** jsme se hned vydali na sovětskou ambasádu.

Dalším typem transformace je obmykání, změna slovosledu:

- Обычно прибывшие в НьюЙорк главы государств и правительства появляются в зале заседаний лишь в тот день и даже в тот час, когда им самим предстоит взойти на трибуну. /Hlavy států a premiéři, kteří přijíždějí do New Yorku, se obvykle objevují v zasedacím sále jen v ten den a hodinu, kdy mají vystoupit se svým projevem.
- У Кеннеди после полученного им во время войны ранения болела спина. / Kennedy byl ve válce raněn a bolela ho záda.

Také při překladu jsme se setkali se záměnou přívlastku shodného přívlastkem neshodným.

- *Обычно прибывшие в НьюЙорк главы государств и правительств появляются в зале заседаний лишь в тот день и даже в тот час, когда им самим предстоит взойти на трибуну. Hlavy států a premiéři, kteří přijíždějí do New Yorku, se obvykle objevují v **zasedacím sále** jen v ten den a hodinu, kdy mají vystoupit se svým projevem.*

nebo záměna gramatických tvarů: pluralia tantum – singularia tantum: (стройматериалы – stavební materiál), (похороны pohřeb), (поминки – smuteční hostina)

při překladu z ruštiny do češtiny je i záměna předložky

- *Первая встреча между Хрущевым и Кеннеди состоялась **в** американском посольстве. / První setkání Chruščova a Kennedyho se uskutečnilo **na** americkém velvyslanectví.*
- ***С** самого начала была достигнута договоренность, если не ошибаюсь, по инициативе Хрущева, чтобы переговоры велись **с** глазу на глаз, только в присутствии переводчиков. / **Od** samého začátku bylo domluveno, pokud se nemýlím tak na návrh Chruščova, že jednání budou probíhat jen ve dvou, pouze za přítomnosti tlumočnicků.*

Také při překladu dochází k záměně pádu:

- *К счастью, он был преодолен, и на протяжении уже следующего года шел активный обмен мнениями по самым разным международным проблемам. / Krize byla naštěstí překonána a další rok se již projednávaly různé mezinárodní problémy.*

Také další gramatická transformace byla užitá při překladu: záměna víceslovného pojmenování jednoslovným a naopak (*оказать помощь - pomohl/místo poskytl pomoc*), (*обратил внимание - upozornil*) (стройматериалы – stavební materiál), (на открытом воздухе – venku)

Transliterace –

- Při překladu textu z ruského jazyka do českého se vzhledem k častému výskytu geografických názvů a příjmení využívala transliterace, tj. přepis grafické podoby slova z výchozího jazyka do cílového, kdy docházelo k záměně písmen jednoho grafického systému písmeny jiného grafického systému. Transliterace byla využita při převodu příjmení sovětských státníků: (*Stalin/Сталин, Molotov/Молотов, Malinkov/Малинков, Kaganovič/Каганович, Mikojan/Микоян*), a při převodu toponym: (vlastní jména, názvy států, hor, řek) (*Amerika/Америка, Laos/ Лаос, Kuba/Куба, Minsk/Минск, Gander/ Гандер, Pakistán/Пакистан, SSSR/СССР, Chatyň/Хатынь, Dillí/ Дели*)

Transplantace –

Ve výchozím textu je slovo стрит-ulice místo ruského slova „улица“ z důvodu zdůraznění oblasti (slovo cizího původu, z anglického jazyka *street/ стрит*)

Kalkování –

Termínem kalk označujeme v lingvistice jeden ze způsobů přejímání slov z jiného jazyka. Jedná se o princip převzetí slova (či slovního spojení) z jednoho jazyka do druhého, který spočívá v doslovném překladu. Cílový jazyk sice v tomto případě použije vlastní

prostředky, ale vlastně napodobí strukturu, kterou má dané slovo ve výchozím jazyce.³

(Když naše limuzína projížděla jednou ulicí, Gromyko poukázal Nikitě Sergeevičovi stavbu jednoho mrakodrapu/ Когда наш лимузин проезжал по одной из „стрит“, Громыко обратил внимание Никиты Сергеевича на строительство очередного небоскреба)

Generalizace

Při překladu z ruského jazyka do českého je možné se setkat se záměnou rodu: (limuzína rodu ženského v českém jazyce a limuzín „лимузин“ mužského rodu v ruském jazyce).

- *(Když naše **limuzína projížděla** jednou ulicí, Gromyko upozornil Chruščova na stavbu dalšího mrakodrapu. / Когда **наш лимузин** проезжал по одной из «стрит», Громыко обратил внимание Никиты Сергеевича на строительство очередного небоскреба)*
- (Problém je rodu mužského v českém jazyce a „проблема“ je rodu ženského.)
- (Já jsem měl osobní **problém** / А у меня, помню, возникла **личная проблема**.)
- *(Ani tehdy jsem to nechápal, a ani dnes nechápu, proč si Chruščov nevšiml, jak je **tato stavební metoda efektivní** /Ну тогда не мог понять, ни сейчас не понимаю, почему же незаметил, не увидел эффективности **этого метода строительства**.)*

³ Dostupné z <https://czechtonque.cz/kalk/> / [citace 8. 4. 2020]

6. Závěr

Cílem bakalářské práce byl překlad vybraných částí knihy M. Suchodreva *Язык мой - друг мой - От Хрущева до Горбачева*. Z ruského jazyka do českého. V úvodu je stručně popsána překládaná kniha a autor knihy, motivace autora bakalářské práce k výběru daného tématu.

Nedílnou součástí bakalářské práce bylo vypracování analýzy výchozího ruského textu, z hlediska lexikálního, gramatického a z hlediska syntaxu. Při analýze bylo zjištěno, že text patří k uměleckému stylu, vyskytují se v něm hovorové výrazy a přímá řeč, které jsou pro tento styl typické. Ve výchozím textu, vzhledem k jeho tématickému zaměření se objevují vlastní jména, označující jak osoby, tak města či státy, tzv. toponyma. Jak již bylo uvedeno výše v bakalářské práci, v knize jsou popisována setkání autora knihy V. M. Suchodreva s nejvyššími politickými představiteli SSSR. V textu se tudíž objevují příjmení a jména, popř. jména po otci (otčestva), těchto politiků a také jména a příjmení politiků zahraničních. Také při analýze bylo zjištěno, že v textu se vyskytuje značné množství slov cizího původu. Vzhledem k tomu, že se jedná o autobiografii se v textu vyskytují slovesa minulého času a také se v textu vyskytují pro ruský text typické přechodníky a příčestí.

V práci následuje samotný překlad, členěn na podkapitoly, rozděleny tématicky.

Dále jsou uvedeny komentáře k překládanému textu a ukázáno, které překladatelské postupy byly užity – s příklady.

Na konci práce jsou uvedeny zdroje, které byly použity pro vypracování práce.

V přílohách je rusko- český slovník který zahrnuje méně známá a málo frekventovaná slova. Také v příloze je výchozích text.

Autor si osvojil novou slovní zásobu a nahlédl do překladatelské praxe. Také bylo pro autora přínosné nahlédnutí do reálií a doplnění si znalostí v historii.

7. Seznam literatury a internetových zdrojů

7.1 Tištěné zdroje

FIŠER, Zbyněk. *Překlad jako kreativní proces: teorie a praxe funkcionalistického překládání*. Brno: Host, 2009. Studium (Host). ISBN 978-80-7294-343-2.

LEVÝ, Jiří, HAUSENBLAS, Karel, ed. *Umění překladu*. Vyd. 3., upr. a rozš. verze 2. Praha: I. Železný, 1998. ISBN 80-237-3539-x.

VYSLOUŽILOVÁ, Eva. *Cvičebnice překladatelství a tlumočnictví pro ruštináře*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 1994. ISBN 80-7067-381-8.

ŽVÁČEK, Dušan. *Kapitoly z teorie překladu I (odborný překlad)*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 1995. ISBN 80-7067-489-

ŽVÁČEK, Dušan. *Úvod do teorie překladu (pro rustisty)*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého, 1994. ISBN 80-7067-353

7.2 Internetové zdroje

Wikipedie otevřená encyklopedie: *Translatologie*, [online] [citace 8. 4. 2020] dostupné z URL: <https://cs.wikipedia.org/wiki/Translatologie>

Výkladový slovník: *Traslatologie* URL: <http://rus-yaz.niv.ru/> [citace 8. 4. 2020]

Czech tongue: Kalk <https://czechtongue.cz/kalk/> [citace 8. 4. 2020]

8. Anotace

Cílem bakalářské práce byl překlad vybraných částí knihy M. Suchodreva *Язык мой - друг мой - От Хрущева до Горбачева*. Z ruštiny do češtiny. Kniha je autobiografií a memoáry autora knihy. Autor knihy popisuje období studené války a různá diplomatická setkání předsedů Prezídia Nejvyššího sovětu SSSR a prezidentů USA, kterých se osobně zúčastnil a kde působil jako tlumočnick nejvyšších politických představitelů SSSR. Vzhledem k možnému rozporuplnému přijetí obsahu knihy nebyla zatím tato kniha přeložena do češtiny. Autor byl jediným svědkem mnoha klíčových událostí. Nedílnou součástí bakalářské práce bylo vypracování analýzy výchozího ruského textu a komentáře k překladu a sestavení slovníku, který zahrnuje méně známá a málo frekventovaná slova.

Целью бакалаврской работы был перевод отдельных частей книги М. В. Суходрева *Язык мой - друг мой - От Хрущева до Горбачева*. Книга представляет собой автобиографию и воспоминания автора книги. Автор книги описывает период Холодной войны и различные дипломатические встречи председателей Президиума Верховного Совета СССР и президентов США, в которых он лично участвовал и где работал переводчиком для высших политических кругов. Из-за возможного противоречивого восприятия содержания книги эта книга до сих пор не была переведена на чешский язык. Автор был часто единственным свидетелем многих ключевых событий. Неотъемлемой частью бакалаврской работы является анализ исходного текста на русском языке и составление комментария к чешскому переводу и составление словаря, который включает малоизвестные и реже встречающиеся слова.

9.1 Rusko – český slovník

анфила́да, – ы ж	apartmá
визі́тка, – и ж	žaket
волево́й - а́я, -о́е,	houževnatý
ми́молетной	spěšné
наме́рение, - я, с	záměr
незау́рядный,	nevšední
неразбе́риха, – и ж	zmatek
неф, – а м	chrámová loď
обая́ние, – я с	šarm
опека́ть, – ю, ешь, ют	starat se
опроме́тчивый - ая, ое	neuvážlivý
особня́к, – а м	vila
отка́зник, – а м	odpírač

панихі́да, – ы ж	zádušní mše
печáльно	neblaze
повествова́ние, – я с	vypravování
поки́нуть, – у, шь, ут	opustit
примеча́тельный - ая, -ое	pozoruhodné
прова́л, – а м	fiasko
проце́ссия,– и ж	průvod
рассле́дование, – я с	vyšetřování
ро́бость, – и ж	nesmělost
свяще́нник, – а м	duchovní
собла́зн, – а м	pokoušení, lákadlo
сугу́бо	čistě
томи́ться, – юсь, шься,	trpět
уме́лый, – ая, ое	zručný

9.2 Výchozí text

И звездный час, и полное забвение

О Хрущеве написано много. И сегодня его продолжают вспоминать достаточно часто по разным поводам в связи с целой эпохой, в течение которой он находился на вершине власти, — эпохой, начавшейся в марте 1953-го.

Я пришел на работу в МИД уже после исторического поворота в биографии нашей страны. Я имею в виду доклад Хрущева на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, где он развенчал Сталина. Текст этого, считавшегося секретным, доклада зачитывался на закрытых партийно-комсомольских собраниях.

Во определенной степени это был звездный час Хрущева. Хотя с позиций сегодняшнего дня можно по-разному относиться к мотивам, которые его побудили проявить такую взрывную инициативу и незаурядную, по крайней меретак тогда казалось, смелость.

А меньше чем через год он одержал новую победу. Изгнав из политической жизни основных своих соперников, бывших соратников самого Сталина — Молотова, Маленкова, Кагановича и человека с самой длинной фамилией, как шутили тогда, — «Примкнувшего к нам шепилова», Хрущев, по сути дела, стал действительно единоличным руководителем страны.

Утвердившись, Хрущев продолжал исповедовать принципы коллективного руководства, постоянно демонстрируя свою открытость, готовность прислушиваться к чужим мнениям, желание советоваться с народом.

То же самое он активно выносил и на международную арену. Частые поездки Хрущева за рубеж открыли его, а вместе с ним и все

наше государство, миллионам людей. Советский Союз предстал перед миром в новом облике сверхдержавы — могучей, грозной, но в то же время готовой вести диалог, искать пути к сотрудничеству и договоренностям по самым острым вопросам.

Таким образом, авторитет Хрущева, его престиж возрастали и внутри страны, и за рубежом. Но это, как оказалось, имело и оборотную сторону. Сам Хрущев постепенно стал меняться.

Довольно часто находясь рядом с ним, я был невольным свидетелем этого процесса. Он поддался соблазнам того самого культа личности, против которого на первых порах так яростно боролся. Этому в немалой степени способствовали усилия его окружения, тех людей, которых он привел во власть, наделив всеми благами «королевской свиты». Немалую роль сыграла здесь и могущественная пропагандистская машина, всепроникающий партийный аппарат.

Было заметно, как под влиянием всех этих факторов Хрущев в конечном счете уверовал в свою всесильность, всезнайство, всемогущество, непогрешимость.

Я наблюдал не раз, как он все больше становился нетерпимым к чужому мнению, как попытки вести какой-то диалог с ним на основе аргументов, убеждения, доказательств постепенно стали пресекаться самим Хрущевым, когда ему не доставало аргументов. Об этом, несомненно, речь еще впереди в моем повествовании.

А закончилось все тем, что именно соратники Хрущева, те, кто, по сути дела, инициировали и создали образ Хрущева-руководителя, Хрущева непогрешимого, сговорившись, в одночасье превратили его в ничто. Причем так, что даже упоминать фамилию Хрущева почти два десятка лет было запрещено. И когда писали историю страны, вспоминая о каких-то достижениях и успехах хрущевского

десятилетия, умудрились ни разу не назвать того, кто стоял в эти годы во главе партии, а значит, и государства....

«Мы так строить не будем»

Прибыв в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной Ассамблеи, Хрущев счел, что, как и на наших партийных съездах, он должен появляться на всех заседаниях сессии — утренних и дневных. Конечно, в этом не было ни малейшей необходимости. Обычно прибывшие в НьюЙорк главы государств и правительств появляются в зале заседаний лишь в тот день и даже в тот час, когда им самим предстоит взойти на трибуну.

Так что мы в эти дни по два раза мотались из резиденции в здание ООН и обратно.

И вот в одну из таких поездок произошел любопытный разговор.

В машине на заднем сиденье — Хрущев и Громыко. Я — на откидном. Когда наш лимузин проезжал по одной из «стрит», Громыко обратил внимание Никиты Сергеевича на строительство очередного небоскреба. Стройку окружал забор, и улица не была перекрыта. По определенному графику к стройке подъезжали машины с раствором и стройматериалами и, выгрузившись, уезжали. Все привезенное сразу же пускалось в дело. На этой стройке даже не было предусмотрено место для складирования стройматериалов. Короче говоря, для советского человека — весьма непривычная картина.

Наша машина притормозила у светофора. Громыко еще раз привлек внимание Никиты Сергеевича к стройке: — Смотрите, как интересно строят. И быстро, и грязи нет, и улицу не перекрывают.

Никита Сергеевич взгляделся и отрезал:

— Ну и дураки! Неэффективно это, медленно, для строителей неудобно. Только время теряют. Мы так строить не будем. Стройка так стройка! Надо все огородить, перекрыть, стройматериалы завезти, чтобы все под рукой было. Тогда и будет быстро и хорошо.

Меня его высказывание неприятно поразило. Во время своих поездок в США, да и в другие страны, мне доводилось не раз видеть, как там строят. Приедешь в один год — еще только идут взрывные работы под фундамент. А на следующий — уже высится готовый или почти готовый дом. И подумал я там, у светофора, что у нас нескоро со строительством дело наладится, если у руководителя государства подобные суждения. Прошло уже много лет, но я до сих пор помню, как Громыко пытался обратить внимание Хрущева на то, что ему самому, то есть Андрею Андреевичу, казалось олицетворением передовых методов. После взрывного хрущевского ответа он как-то сразу притих и больше не сказал ни единого слова. Что же касается меня, то я тоже как-то внутренне сжался. Ни тогда не мог понять, ни сейчас не понимаю, почему же незаметил, не увидел эффективности этого метода строительства Хрущев, еще год назад колесивший две недели по Америке, от Восточного побережья до Западного, живший в самых разных гостиницах, которые все как одна были современными и строились именно по данному принципу! Ну не мог он на это не обратить внимание! Ведь по природе своей он был чрезвычайно любознательным человеком !

Встреча с Кеннеди

Первая встреча между Хрущевым и Кеннеди состоялась в американском посольстве. С самого начала была достигнута договоренность, если не ошибаюсь, по инициативе Хрущева, чтобы переговоры велись с глазу на глаз, только в присутствии переводчиков. Так оно и было.

У Кеннеди после полученного им во время войны ранения болела спина. Поэтому у него в кабинете в Белом доме в течение всего срока пребывания его там стояло знаменитое кресло-качалка с прямой жесткой спинкой. Здесь ему тоже поставили кресло с похожей спинкой. Хрущев сидел примерно в таком же кресле, а между ними стоял низкий столик.

Не буду пересказывать весь ход переговоров. Их основные темы — положение в Лаосе, где тогда шла гражданская война, и проблема ядерных испытаний. Обе стороны признавали, что и войну, и испытания надо прекратить. Но при обсуждении встал вопрос об инспекции и проверке. При слове «инспекция» наших всегда просто оторопь брала. Допустить кого-то в засекреченные районы, а тем более на военные базы? Да еще иностранцев, врагов, шпионов?!

Однако беседа началась из далека: с разговора о семьях, детях. В ходе него Хрущев задал вопрос:

— Господин президент, а сколько вам лет?

Кеннеди ответил. Хрущев сказал:

— Да, моему сыну сейчас было бы столько же или даже больше.

Потом многие утверждали, что таким образом Хрущев уже в первой беседе хотел этими словами поставить на место «мальчишку». Он, дескать, задал Кеннеди такой вопрос и затем

сравнил его со своим сыном Леонидом, летчиком, погибшим во время войны, для того, чтобы подчеркнуть молодость президента.

Могу сказать, как единственный свидетель, который не только слышал вопрос Хрущева, но и видел выражение его лица в тот момент: это не так. Я убежден, что Хрущев вложил в свои слова совершенно иной смысл. Я видел неизбывную грусть в его глазах, слышал тон его голоса и поэтому могу утверждать, что никакой попытки унижить Кеннеди у Хрущева не было. Он как бы на секунду отвлекся от официального момента, вспомнил сына, потому и вырвались у него такие «непротокольные» слова. И на лице Кеннеди было полное понимание.

Потом они стали вспоминать о своей мимолетной встрече в 1959 году. Кеннеди сказал:

— С тех пор я, кажется, постарел.

Хрущев улыбнулся и ответил:

— Так всегда бывает, молодой человек хочет казаться постарше, вроде как и помудрее, ну а человеку пожилому всегда хочется выглядеть помоложе. У меня тоже самое было, когда я был юношей.

В таком ключе шла у них беседа....

Прощание с Кеннеди

Венская встреча не привела к каким-либо конкретным договоренностям. В чем-то позиции сторон даже разошлись еще существеннее. Но знакомство лидеров двух сверхдержав состоялось, и оно, наверное, получило бы какое-то дальнейшее развитие, если бы не цепь событий, вызванных опрометчивыми

действиями Хрущева по размещению наших ракет на Кубе, спровоцировавшими, в свою очередь, Карибский кризис, который разразился в октябре 1962-го. К счастью, он был преодолен, и на протяжении уже следующего года шел активный обмен мнениями по самым разным международным проблемам. Были предприняты и конкретные шаги, в частности установлена прямая линия связи между Кремлем и Белым домом, а в августе 1963-го подписан договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах.

По дипломатическим каналам говорилось, хотя и не в установленном плане, о возможностях новой встречи Хрущева и Кеннеди.

Но... Наступило 22 ноября 1963 года, день, когда трагически погиб Президент Соединенных Штатов Америки.

Новость, конечно же, застала всех врасплох и сильно опечалила. Стали поступать сообщения о намерении глав многих государств и правительств поехать в Вашингтон на похороны. Не знаю, как конкретно решался этот вопрос у нас. Не исключаю, что Никита Сергеевич сам хотел отдать последний долг Джону Кеннеди. Но думаю, что определенное влияние на принятие окончательного решения послать на похороны А. И. Микояна, известного своей близостью к Хрущеву, оказала версия «советского следа» в деле об убийстве президента.

Дело в том, что в убийстве подозревался Ли Харви Освальд, который до случившегося в течение какого-то времени жил в Советском Союзе: он попросил политического убежища и, находясь в Минске, куда его определили на жительство, женился на нашей гражданке. А затем, вроде бы разочаровавшись в советской системе, вернулся в Соединенные Штаты. Словом, на этот «советский след»

и намекали тогда американские газеты. Я получил указание сопровождать Микояна.

В полночь по московскому времени мы подлетали к аэропорту Гандер, где должны были сесть для дозаправки. Помощники Микояна, два Василия Васильевича, зная, что наступает день рождения шефа, решили отметить его. Стюардессы организовали закуску, открыли бутылку красного вина, достали заранее приготовленный букет цветов. Когда все было готово, мы попросили одну из них зайти в салон к Микояну и сказать, что его помощники просят выйти к ним.

Борт проводница запротестовала:

— Как я могу беспокоить Микояна?

— Иди, в случае чего мы тебя прикроем, — заверили помощники.

Она пошла, Микоян работал с какими-то бумагами. Как потом рассказывала стюардесса, он удивленно поднял на нее глаза и сказал:

— Они там что, с ума сошли?

Но все-таки поднялся и вышел. Увидел поднос с бутылкой вина, букет и сразу все понял. Перенесший незадолго до этого операцию, он попросил разбавить ему вино водой.

— Ну а вы, — сказал Анастас Иванович нам, — пейте лучше коньяк.

Что мы и сделали. Так мы отпраздновали его день рождения в небе, на пути в Вашингтон.

Самолеты с руководителями почти всех стран мира садились один за другим. Приземлившись, мы сразу же отправились в советское посольство. Послом тогда уже около года был Анатолий Федорович Добрынин. А советником-посланником у него — Георгий

Маркович Корниенко, выдающийся советский дипломат, впоследствии первый заместитель министра иностранных дел.

Микоян расположился в здании посольства, а мы все — в гостинице рядом. Добрынин получил от Госдепартамента инструкции с изложением процедуры похорон: вначале все должны собраться в Белом доме, оттуда ехать в конгресс, где стоит гроб с телом Кеннеди, затем процессия пешком провожает гроб до собора, в котором состоится панихида, а потом уже все — на Арлингтонское кладбище.

Инструкция содержала также пункт, касающийся формы одежды. В Англии и США на похоронах принято присутствовать в визитке — черном сюртуке с закругленными, расходящимися спереди лапами. По всей своей предыдущей практике я знал, что наши руководители ни смокингов, ни фраков не имеют. Каково же было мое удивление, когда Микоян вдруг заявил, что привез с собой «какой-то пиджак с длинными лапами». Потом выяснилось, откуда он у него появился. Оказывается, Анастас Иванович ездил на церемонию инаугурации президента Пакистана, а там для разных церемоний были предписаны и фрак, и визитка. Микоян решил не нарушать этикета, и ему тогда сшили и то и другое.

Принесли вешалки с костюмами. Выяснилось, что кто-то из обслуживающего персонала, перепутав, на вешалку с фраком повесил полосатые брюки, а на вешалку с сюртуком-визиткой — черные брюки с шелковыми лампасами. Возник небольшой спор. Я сразу обратил внимание присутствующих на то, что костюмы неправильно скомплектованы. Со мной не согласились. Корниенко принес толстенный энциклопедический словарь. Открыли, нашли описание и даже маленькую картинку, которые подтверждали мои слова. Микоян глянул на меня с одобрением.

Стали обсуждать, как решить вопрос о версии «советского следа» в деле об убийстве Кеннеди, о которой уже всю трубили газеты. Копии каких-то документов из наших архивов о Ли Харви Освальде уже были направлены в США. Микоян привез оригиналы этих документов. Их немедленно переслали в Госдепартамент. Материалы доказывали, что никакого «советского следа» нет.

А у меня, помню, возникла личная проблема. Большая часть похорон проходила на открытом воздухе. Соответственно, надо было быть в верхней одежде. А мое пальто по цвету не совсем подходило к такому случаю. Мелочь? Но в подобных обстоятельствах это далеко не так. Выручил меня приятель из нашего посольства, Виктор Исаков, одолживший мне свое темно-синее пальто. В нем я и пошел.

Надо сказать, что американская охрана в те дни особо опекала Микояна. Боялись провокаций. Не обязательно террористов, а просто психов, которые, не дожидаясь окончания расследования, могли поверить в причастность Советского Союза к убийству Кеннеди. Поэтому, когда мы отправились на похороны, вокруг Микояна образовалось довольно плотное кольцо охранников. Нестолько наших, сколько американских.

Во время церемонии отпевания в соборе Микоян находился без охраны среди самых почетных гостей в главном нефе. Послы, в том числе и Добрынин, были в боковом приделе. Я проводил Микояна до его места, а сам отошел и, стоя у одной из колонн в соборе, наблюдал всю церемонию.

Массивный, из полированного дерева, гроб с телом Кеннеди стоял на специальном возвышении. Его так ни разу и не открыли. Священники читали молитвы, пел хор, играл орган. В первом ряду сидели близкие Кеннеди, среди них — Жаклин. Мне тогда

показалось, что, несмотря на огромное количество народа, эти несколько человек абсолютно одиноки перед свалившимся на них горем.

После отпевания все поехали на Арлингтонское кладбище. Помню, американская охрана в целях безопасности заставила Микояна сесть в автомобиле на заднее сиденье, посередине. Если бы кто-то вздумал совершить террористический акт, то больше всего пострадали бы сидящие слева и справа от Микояна, а это был я и, по-моему, Добрынин.

Церемония похорон подробно описана в различных источниках.

После кладбища все гости направились в Белый дом. Было еще светло — часа четыре пополудни. Все собрались в банкетном зале. Это, по сути дела, была последняя официальная акция вдовы Джона Кеннеди. На столах — бутерброды, пирожные. Подавали только чай и кофе. Такова западная традиция — на поминках спиртного обычно не пьют.

Один из сотрудников Белого дома, с которым я был знаком и который, кстати, как бы «опекал» Микояна, подошел ко мне и сказал:

— Виктор, на столах нет спиртного, но вот там, в углу, дверь, за ней — бар. Если ты или кто-то из ваших захочет, там можно взять спиртное.

Это вполне нормально и прилично.

Я зашел в бар и, взяв себе стакан виски с содовой, вновь присоединился к Анастасу Ивановичу. Он посмотрел на мой стакан и говорит:

— Ты где это достал?

Я отвечаю:

— Анастас Иванович, знакомства надо иметь везде.

— Хорошо устроился.

— Могу и вам достать.

Микоян, конечно, отказался.

Через какое-то время тот же сотрудник Белого дома подошел ко мне и сказал:

— Было бы неплохо, если бы господин Микоян уходил в числе последних или даже самым последним. Я передал эти слова Анастасу Ивановичу.

Жаклин, приехав с кладбища, поднялась к себе. Она, надо сказать, вела себя очень мужественно. Ее лицо закрывала черная вуаль, но, как потом отмечали все, да и я это видел, глаза ее были напряженны и сухи. А когда гости постепенно стали расходиться, она спустилась в холл и прощалась с каждым, обмениваясь несколькими словами.

Череда гостей была очень длинной. Мы продолжали стоять у стола. Тут к нам подошел человек небольшого роста и сказал по-русски:

— Здравствуйте, господин Микоян!

Микоян с вопросительной интонацией поприветствовал его. Человек продолжал:

— Позвольте представиться, я — Леви Эшкол, премьер-министр Израиля.

Микоян протянул ему руку и заметил:

— Вы отлично говорите по-русски.

Тот улыбнулся:

— Как же мне не говорить по-русски, если я — Лева Школьник из города Николаева? У меня и теперь там брат живет.

Несколько минут Микоян говорил с бывшим Левой Школьником, а потом мы направились к выходу, туда, где стояла

Жаклин Кеннеди. Черда гостей уже иссякла, когда мы поравнялись с Жаклин. Микоян стал произносить слова соболезнования от лица советского руководства, Хрущева и от себя лично. Жаклин взяла руку Микояна в свои ладони, и вот тут я в первый раз за весь день увидел, как на ее глазах появились слезы.

— Господин Микоян, передайте господину Хрущеву, что мой муж очень хотел вместе с ним строить прочный мир на земле. Теперь это придется делать одному господину Хрущеву.

Я, как сейчас, помню эти ее слова...

Оборванная песня

У Косыгина с Индирой Ганди с момента их встречи в траурные дни, связанные со смертью Шастри, сложились очень теплые личные отношения.

В мире и сегодня мало женщин-политиков, которые обладали бы таким неотразимым обаянием, как Индира Ганди. Мне не раз приходилось бывать на встречах и переговорах с ее участием, я до сих пор помню воздействие этой замечательной женщины на окружающих.

Она вела переговоры всегда очень спокойно. Говорила исключительно тихим голосом. Но, надо сказать, всегда проявляла твердость характера при отстаивании своих взглядов или при обсуждении той или иной просьбы, которых в те времена со стороны Индии было предостаточно — об экономической и военной помощи и о многом другом. Разумеется, помощь мы оказывали на самых льготных условиях, подчас выходящих за рамки возможностей нашего государства. Мне кажется, если бы на месте Индиры Ганди был кто-нибудь другой, Индия вряд ли получала бы от СССР такую

масштабную поддержку. Я часто ловил себя на мысли, что Брежнев и Косыгин просто поддаются ее обаянию. Индийцы, думаю, это тоже понимали и в переговорах с нами старались выдвинуть ее на первый план.

Я всегда с большим уважением относился к Индире Ганди. С интересом следил за ее речью, движениями, мимикой, жестами. За тем, как мастерски она ведет переговоры — умело, грамотно, на прекрасном английском языке. Она знала английский намного лучше, чем хинди.

В годы ее правления в Индии шли большие споры о том, чтобы отказаться от официального использования английского языка и перейти на хинди. Дабы не вводить в смущение националистически настроенные партии, Индира Ганди на официальных банкетах и митингах зачитывала свои речи на хинди. Но при этом, знающие люди рассказывали мне, чтобы не ошибиться в произношении, она заранее готовила текст и расставляла в словах правильные ударения.

Несомненно, она была незаурядной женщиной. И конечно же имела врагов.

На протяжении следующих восемнадцати лет мне не раз приходилось принимать участие в переговорах с Индирой Ганди и в Москве, и в Дели. Невозможно вспомнить детали каждой такой встречи, да и незачем. Но почему-то память цепко хранит именно трагические мгновения...

На похоронах Индиры Ганди я оказался вместе с посланными в Индию от советского руководства Председателем Совета Министров Николаем Александровичем Тихоновым и первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Василием Васильевичем Кузнецовым, который когда-то, после окончания мной института, взял меня на работу в МИД.

По сравнению с похоронами Шастри в эти траурные дни проявления народного горя, скорби и, я бы сказал, всеобщей растерянности было куда как больше: Шастри умер своей смертью, Индиру же зверски убил один из ее собственных охранников.

Весть об убийстве Ганди застала Тихонова и Кузнецова на пути с Кубы, где они находились с официальным визитом. Эти два человека, проделав длительный перелет из Гаваны до Москвы, чуть ли не в тот же день вылетели в Дели.

По личному указанию А. Громыко я отправился в местес ними.

Когда мы приземлились в Дели, уже стемнело. Прямо с аэродрома поехали в резиденцию Индиры Ганди. Стояла несусветная жара. На улицах — большая неразбериха. Официальные кортежи с гостями сновали туда-сюда, подъезжали, отъезжали, создавая заторы на узких и плохо освещенных делийских улицах. Мы часто останавливались по дороге. Несколько раз Тихонов оборачивался и спрашивал почему-то у меня:

— Товарищ Суходрев, почему мы стоим?

Но откуда мне было знать, я ведь прилетел в местес ними.

Вокруг царила такая страшная безысходность, что ее почувствовали даже мои старцы... Вопросов ко мне больше не было, они молчали.

Приехав в резиденцию, мы прошли через анфиладу комнат в небольшой зал, где находилось тело Индиры Ганди. Оно лежало на невысоком постаменте, у изголовья стоял переносной кондиционер. Он явно не справлялся со своей функцией, потому что, подойдя поближе, я заметил, что красивое лицо Индиры уже тронута тленом. В Индии обычно не бальзамируют и не гримируют покойных. Я

почувствовал, как у меня сжалось сердце при виде темных пятен на этом недавно прекрасном лице. Помню, после того как мы вернулись в Москву, моя жена сказала, что даже по телевизору было видно, что я испытывал сильное потрясение.

Мы обошли постамент и оказались рядом со столом, на котором лежала Книга скорби. Кто-то из индийцев перевернул страницу, подал Тихонову ручку. Тот сел и задумался. Обычно в таких случаях посольство старается заранее подготовить траурный текст. На сей раз это сделать не успели. Тихонов поднял голову и спросил у меня:

— Товарищ Суходрев, что писать?

Подсказать было некому. Даже начальник секретариата Тихонова, Борис Бацанов, куда-то исчез. Не увидел я и посла. Тогда я нагнулся к Тихонову и стал негромко диктовать:

«В местесо всем индийским народом... скорбим в связи с безвременной кончиной... великой дочери Индии...»

Тихонов медленно выводил текст трясущейся старческой рукой.

На следующий день была кремация. Жара стояла такая, что казалось, все вокруг плавится. Мне стало жаль двух своих старцев, которые стойко это переносили.

Сын Индиры, Раджив, поджег огромный костер. Началась долгая процедура сожжения тела.

После гибели Индиры премьер-министром назначили ее сына Раджива. Наша делегация во главе с Тихоновым посетила его. Выразив официальные соболезнования, мы провели непродолжительную деловую беседу. На выходе Раджив подал и мне руку, прощаясь. Ия сказал:

— Простите меня, я, конечно, нахожусь здесь всего лишь в качестве переводчика, но я очень хорошо и давно знал вашу мать, уважаемую шримати Индиру Ганди, поэтому примите и от меня самые сердечные личные соболезнования. Для меня, поверьте, это тоже большое горе.

Раджив опустил глаза и прошептал:

— Спасибо. Спасибо...

Читатель, наверное, помнит, что через несколько лет Раджива постигла печальная участь его славной матери.

Веселые эскапады Трюдо

Период существенного потепления и развития отношений Советского Союза с Канадой связан с именами Косыгина и Пьера Трюдо.

Впервые я встретился с Трюдо в Канаде, когда ездил туда вместе с нашей парламентской делегацией, возглавляемой членом Политбюро Д. С. Полянским. Трюдо тогда был довольно молод, занимал невысокую должность, кажется помощника министра юстиции. Помню, он всех нас поразил тем, что появился на официальном приеме в цветастой рубашке, без галстука и в сандалиях на босу ногу. Что-то в нем было от хиппи, во всяком случае, бросались в глаза его неординарное поведение и внешность.

Впоследствии Трюдо довольно быстро завоевал передовые позиции в правящей Либеральной партии и в 1968 году стал премьер-министром.

Долгое время он оставался холостяком, поэтому периодически ему приписывали любовные связи то со знаменитыми актрисами, то с известными аристократками... Но на его политическую карьеру это не влияло.

Отношения с Канадой у нас развивались спокойно, какой-то особой дружбы или вражды не было. В СССР господствовало мнение, по крайней мере в верхах, что Канада — это придаток Соединенных Штатов, определенной самостоятельной политики у нее нет. В некоторой степени оно так и было. Трюдо же стал проводить более независимую от США политику, подчеркивая отличия Канады от своего могучего южного соседа. При этом он напоминал, что у Канады есть еще один сосед — через Северный полюс. И действительно, если посмотреть сверху на глобус, то можно увидеть, что Канада и Россия не так уж далеки друг от друга. Примечательно и то, что сельскохозяйственные угодья Канады, одной из самых крупных в мире стран — экспортеров пшеницы, находятся на тех же широтах, что и у нас. Постепенно советские руководители осознали, что у этой страны можно чему-то поучиться. А значит, стоит налаживать с ней политические и экономические связи. Короче говоря, Трюдо пригласили в Советский Союз, он принял приглашение. Незадолго до этого произошло событие, которого давно ждали все канадцы: Пьер Трюдо наконец женился. Было его симпатичной избраннице не больше девятнадцати лет, и она произвела неотразимое впечатление на наших фарисеев, когда появилась на трапе самолета в мини-юбке. По протоколу, как известно, высоких гостей всегда сопровождает почетный эскорт мотоциклистов. И на этот раз они являли собой впечатляющее зрелище — яркая форма, белые шлемы. Я обратил внимание, что Трюдо не отрываясь смотрит на мотоцикл, едущий, словно приклеенный, рядом с лимузином. Потом он неожиданно спросил у сидящего с ним в машине Косыгина: — А этот мотоцикл советского производства? Алексей Николаевич посмотрел на мотоцикл, на нем почему-то не было никаких заводских фирменных знаков. — Честно

говоря, не знаю, но полагаю, что да, — ответил Косыгин. Трюдо снова погрузился в изучение мотоцикла. Так и ехал до резиденции... Мотоцикл поразило его воображение. На второй или третий день в Кремле состоялась встреча Трюдо с Председателем Президиума Верховного Совета Н. В. Подгорным. Длилась она недолго. Минут через двадцать Трюдо и сопровождавшие его лица вышли на Ивановскую площадь Кремля и направились к машине, рядом с которой стоял один из мотоциклов почетного эскорта. Завидев его, Трюдо вдруг ускорил шаг. Подошел. Посмотрел. Потрогал. Потом перекинул ногу через седло, снял мотоцикл с опоры, со знанием дела произвел манипуляции с рычагами управления и рванул вперед. К ужасу охраны и, надо сказать, всех остальных. Не успели мы прийти в себя, как Трюдо, сделав полный круг по площади, мастерски затормозил буквально на том же самом месте, откуда уехал. — Хорошая машина, — заявил он, приблизившись к нам. Натянуто улыбаясь, наши покивали и быстро усадили гостя в лимузин. Такого в Кремле не видывали: почетный гость, глава иностранного правительства — и вдруг такой фортель. В канадском посольстве давали завтрак в узком кругу в честь Косыгина. Перед его началом Трюдо подвел Косыгина к окну. Во дворе посольства стоял красивый снегоход. — Господин премьер. Я хочу преподнести вам этот типично канадский подарок, — сказал Трюдо, кивнув за окно. Сегодня такие снегоходы в нашей стране уже не редкость. Но в те времена это было невидалью. Косыгин с большим интересом стал рассматривать диковинный подарок. Тепло поблагодарил Трюдо. Позже я узнал, что снегоход передали по просьбе Алексея Николаевича на один из наших заводов, чтобы и у нас наладить производство столь необходимых в северных районах машин. Неординарность Трюдо проявлялась и в стиле одежды. В его

гардеробе были ультрамодные для того времени вещи: широченные галстуки, пиджаки с огромными лацканами, туфли на платформе. Каждый день он появлялся в новой рубашке — одна ярче другой. А уж о ширине его расклешенных брюк и говорить не приходится. Трюдо водили в Большой театр, в Третьяковскую галерею. Он охотно всюду бывал и однажды вдруг спросил, а можно ли где-нибудь неофициально, просто с женой, без всяких сопровождающих послушать цыган, о которых ему так много рассказывали. Но как это — без сопровождающих?! Наш протокольный отдел тут же встал на уши. Мероприятие предстояло совершенно особенное. Доложили Косыгину, он дал добро. В ресторане «Архангельское» устроили концерт артистов Московского музыкального цыганского театра «Ромэн». Прислали кремлевских официантов. Завезли продукты. Для обычных посетителей ресторан был закрыт. Косыгин приехал в ресторан с дочерью Людмилой. За Косыгиным потянулась охрана, адъютанты, сотрудники МИДа, сопровождающие. Собралось человек под пятьдесят. Трюдо, увидев эту толпу, помрачнел. Понял, что за публика. Столики составили, как обычно на официальных банкетах, буквой «П». Сервировка — такая же, как в Кремле. Все заняли свои места. Трюдо с нетерпением ждал, когда же выйдут цыгане. Но мы были бы не мы, если б дали гостю спокойно насладиться цыганскими песнями и плясками. В зал вошел директор театра «Ромэн» и начал читать нудную лекцию о возникновении единственного в мире цыганского театра... Все это сопровождалось переводом. Трюдо томился. Но вот наконец вышли долгожданные цыгане. Потом я узнал, что артистам было строжайше запрещено подходить к столу Трюдо ближе чем на три метра, а также петь заздравную песню, предлагая «Пьеру дорогому» выпить до дна...

Мужской разговор

О визите в Москву в 1975 году английского премьер-министра Гарольда Вильсона я уже упоминал. К тому моменту Брежнев основательно утвердился в роли первого лица нашего государства. В этом качестве он выступал, естественно, и на переговорах с Вильсоном. Однако во время этого визита и на долю постепенно уходящего в тень Косыгина выпало вести переговоры — по вопросам экономического взаимодействия, а также, согласно протоколу, встречать и провожать премьера во Внуковском аэропорту. Косыгин в день отлета Вильсона заехал за ним в особняк на Ленинских горах. Они посидели, выпили чаю на дорогу. Потом по сигналу протокольной службы вышли, сели в машину, и кортеж отправился в аэропорт Внуково-2. Как раз незадолго до этого визита к руководству находящейся в оппозиции Консервативной партии Великобритании пришла Маргарет Тэтчер. Она стала лидером консерваторов в тяжелое для партии время, наступившее в связи с провалом на выборах. О Тэтчер в мире тогда знали не так уж много. Особенно в Советском Союзе. И так, кортеж с двумя премьерами выехал на Ленинский проспект. Затем — на шоссе, ведущее во Внуково. Вильсон и Косыгин, сидящие в лимузине, вели разговор о том о сем. Косыгин вдруг спросил: — Скажите, а вот у ваших противников к руководству пришла женщина, Тэтчер. Вы не могли бы высказать свое личное мнение о том, что это за человек? Гарольд Вильсон ответил, что готов высказать сугубо личное мнение о Маргарет Тэтчер. Он стал говорить о том, что, безусловно, она сильный политик, умело провела борьбу за лидерство в своей партии и что, конечно, в случае победы консерваторов на очередных выборах Тэтчер автоматически станет премьер-министром Великобритании.

Она из простой семьи, но образование получила отменное. Обладает хорошими ораторскими способностями. Волевая женщина. Но ситсо вкусом подобранные костюмы. У нее всегда безупречный макияж, ухоженные руки. Очень аккуратная, прическа — волосок к волоску... Вильсон довольно долго рассказывал, делая паузы лишь для перевода. Косыгин его не перебивал. Впереди уже показались строения Внуково-2. Вдруг Вильсон совсем другим тоном сказал: — Короче говоря, у нее все — комильфо. Я бы сказал, даже слишком. — Потом подумал и добавил:— Одним словом, господин Председатель, я бы не стал... Косыгин от души расхохотался. Два премьера поняли друг друга. Наверное, людям, которые когда-либо видели Косыгина, трудно будет согласиться со словом «расхохотался». Но он действительно взорвался смехом. И сказал, уже выходя из машины: — Вы предельно ясно ответили на мой вопрос, господин Вильсон. Английский премьер почти неувовимо усмехнулся и достал из кармана курительную трубку. Я ее узнал...

Конец его пути

В послехрущевские годы Косыгин, как я уже говорил, часто ездил за рубеж с ответственными миссиями, на мой взгляд, по той причине, что Брежнев долго не решался активно участвовать в международной жизни. Вероятно, поначалу он испытывал робость перед иностранной аудиторией. Но постепенно Брежнев стал выдвигаться на первый план, а Косыгина начали «задвигать». Не знаю, кто за этим стоял, скорее всего партаппаратчики. Если полистать газетные подшивки тех лет, можно увидеть, что, когда на первой полосе публиковалось официальное сообщение о том или ином деянии Косыгина, то на этой же странице непременно

сообщалось и о том, чем занимался Брежнев. В те дни, когда Косыгин находился с рабочим визитом в одной из зарубежных стран, в прессе обязательно появлялась информация о какой-либо рабочей поездке Брежнева и Подгорного или о том, что они принимали иностранных гостей. А с начала 70-х годов уже Брежнев стал играть первую скрипку в международных делах. Много добрых воспоминаний осталось в моей душе об Алексее Николаевиче Косыгине, человеке очень деятельном, интересном, я бы сказал, выдающемся, особенно по тем временам. Под стать ему была и его жена, которую, если позволял протокол, он обычно брал с собой в зарубежные поездки. Это была симпатичная, улыбчивая и приятная женщина, не вмешивающаяся в дела мужа. К сожалению, она рано умерла, и все вспоминали, с какой теплотой и нежностью Алексей Николаевич к ней относился. Словом, Косыгины являли собой достойную супружескую пару. Они были приветливы с людьми, умели шутить, подтрунивать друг над другом, не боясь, что это как-то унизит их в глазах окружающих. Таким в моей памяти остался Косыгин. Но наверное, нет людей, портрет которых можно было бы рисовать одной краской. И Косыгин нес на себе груз своего времени, своего окружения, в конце концов, своего характера, воспитанного в сталинскую эпоху. И вероятно, поэтому не стоит удивляться тому, что, судя по некоторым протоколам заседаний Политбюро 60–70-х годов, когда обсуждались вопросы, связанные с диссидентами, отказниками и конкретно с Сахаровым, Косыгин был одним из тех, кто резко высказывался за принятие самых жестких мер в отношении их. Не хотелось бы, конечно, этими словами заканчивать свой рассказ о нем, но что поделаешь — из песни слова не выкинешь...

Стол на лужайке

В Минске президент ознакомился с городом, возложил цветы к памятнику погибшим в Великой Отечественной войне. Затем в загородной резиденции белорусского правительства в честь Никсона был дан обед. На нем он произнес проникновенную речь, в которой воздал должное подвигу белорусского народа во время войны. После обеда президент отправился отдыхать, а мы с переводчиками Вавиловым и Акаловским пошли прогуляться. Не успели отойти от дома, как нам встретился первый секретарь ЦК КП Белоруссии Петр Миронович Машеров. Остановился возле нас и стал взволнованно говорить о речи Никсона на обеде, а потом вдруг сказал: — А вы знаете, я, пожалуй, поеду с ним в Хатынь... Постановлением Политбюро это, правда, не предусмотрено, но я никого спрашивать не буду и поеду...

На меня его слова произвели большое впечатление. Дело в том, что персональный состав сопровождающих высокого гостя лиц всегда четко определялся постановлением Политбюро ЦК КПСС. Отступить от него не полагалось. Машерову, как первому секретарю, было предписано встретить Никсона и присутствовать на обеде (в Москве в подобных мероприятиях принимал участие Брежнев). А вот в поездке в Хатынь президента должен был сопровождать лишь Председатель Президиума Верховного Совета Белоруссии. Так что Петр Миронович, нарушив предписание, проявил редкую по тем временам самостоятельность. Впрочем, таким он был всегда, судя по воспоминаниям людей, хорошо его знавших. Хатынь — это печально известная всему миру деревня, которую в 1943 году нацисты сожгли дотла вместе с ее жителями — стариками, женщинами, детьми... В 1969-м на ее месте открыли Мемориальный архитектурно-

скульптурный комплекс «Хатынь». Осматривая этот комплекс, президент был явно взволнован. Склонив голову, он стоял у Вечного огня, внимательно слушал рассказы ветеранов партизанского движения.

На фоне густого леса, на зеленой лужайке, установили большой письменный стол с креслом, чтобы Никсон мог записать свои впечатления в Книге почетных посетителей комплекса. Президент сел и склонился над раскрытой Книгой. Вокруг него сразу же засуетились журналисты. Рядом со мной стоял один из помощников Никсона. С деланным ужасом он прошептал мне: — Боже мой! Я представляю себе, что понапишут под этими фотографиями наши журналисты: «Никсона выгнали из Белого дома!..» Картина действительно была необычная: посреди зеленой лужайки, за письменным столом, одиноко сидит человек и что-то пишет...

Вечером мы вернулись в Москву. А на следующий день, после прощальной встречи с Брежневым и официального приема в Кремле, Никсон покинул столицу. Это был его последний визит в нашу страну в качестве президента США. Вскоре Никсон ушел в отставку, чтобы не подвергнуться унижительной процедуре импичмента